

Искорка

Т
Е
Б
Е
С
Ъ
Е
З
Д

**Смотри
31 стр.)**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания V

№ 10

Октябрь 1961 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

М Е Ч Т А

Детство — ты радостно
и чудесно!
И в сердце пришли
за строкой строка...

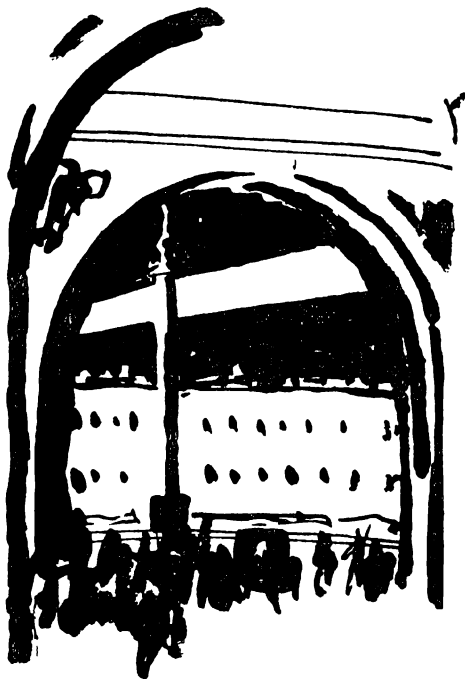
Партии,
Двадцать второму съезду,
Славному ленинскому ЦК
Мы посвящаем свою поэму
В этот торжественный день
и час.

Жизнь подсказала нам
эту тему.

Слушай, Родина, нас!

Мечта!
Тебе открыты двери
В простые, честные сердца.
Мечта!
Тебя нельзя измерить:
Ты без границ и без конца.
Горишь огнём
костров походных,
Что смелых к подвигу зовёт.
Мечта — родник
в степи безводной
И в космос дерзостный полёт.

К нам счастье гостем
не приходит,
С небес не падает звездой, —
За ним идут,
Его находят
И за него уходят в бой.
Мечта о счастье поколений,
Ты эстафетой шла вперёд.

И вот
Октябрь.
Смольный.
Ленин.
Семнадцатый победный год.

Негасимы и сокровенны
Светят нам они сквозь года.
Ведь великие перемены
Только тот свершал всегда,
Кто сполна отдавал всё людям.

И гордился своей мечтой.
Никогда мы не позабудем
Тех, кто шёл за неё на бой.

Эта песня пламенем
Озаряет мир:
«Шёл под красным знаменем
Красный командир».
С головой повязанной
Он шагал вперёд...
Сколько ни рассказывай —
За душу берёт.
Было сердцем велено
В бой ему идти.
Нёс он образ Ленина
Бережно в груди,
Где мечта заветная
Много лет жила,
Чтобы стала Родина
Радостна, светла.
— На земле построим мы
Наш свободный мир! —
Говорил товарищам
Часто командир.
Был он верным ленинцем
В грозные года...

...Над могилой светится
Красная звезда.
А мечта?
Живёт она!
Оглянись вокруг:
Всё, что нами создано, —
Дело наших рук!

И осталось песнею
В сердце на века:
«Шёл под красным знаменем
Командир полка...»

Навеки бессмертны
Народа герои,
Что к счастью
Людей повели за собою.
Их партия наша
Орлами взрастила,
Дала вдохновенье,
Упорство и силу.
Они не мечтали
О подвигах смелых,
А делали честно
Великое дело.
Шагали упрямо
Дорогой тернистой.
Они — наша совесть.
Они — коммунисты.

Они нас, как прежде,
Ведут за собою,
Бок о бок с крылатой
И дерзкой мечтою.

Уборка — страда полевая,
Здесь счастье всегда впереди,
И пот со щеки вытирая,
Присел отдохнуть бригадир.
Не слыша малиновки голос
И рокот машин вдалеке,
Наполненный свежестью колос
Зажал бригадир в кулаке.
Поля заштрихованы рожью,
Бурлит золотая река...
И он положил осторожно
Свой колос в карман пиджака,
Оставив на долгую память
Про эти большие поля,
Где раньше сухими губами
Просила напиток земля.

Все ребята в Отчизне родной
Знают наших героев труда.
Вот идут они дикой тайгой
И возводят в тайге города.
Опускается в шахту Мамай,
Встал к станку

Чтобы стал ты богаче,
наш край,
Каждый к подвигам новым
готов.

славный почин.
Как он искренен, прост

В белом ватмане — взрыв полёта.
Мысль стремительная — вперёд!

полный звёзд!
Мир навек запомнит эту дату,
Тот апрельский
радостный рассвет...
Человек отныне стал крылатым,
В космосе оставив чёткий след.
Он воскликнул:

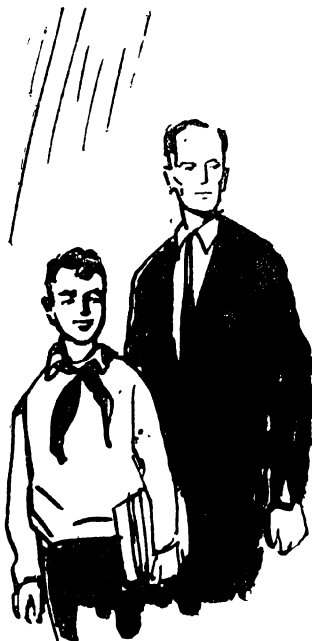
Это был простой
 и смелый парень,
 Гражданин Союза ССР,
 Это сын твой, партия, Гагарин,
 Космоса бесстрашный пионер!
 Мы в тот день
 занятия прервали.
 Мы в ту ночь не спали до утра.

И о наших подвигах, народ, услышит

**Значит, крепнут крылья
у мечты!**

**И двухлетка в том здании —
Пионерский кирпич.**

**Мы все на стройке коммунизма
С тобою, партия, всегда!**

«Здравствуй, коммунизм!»

КОВСКИЙ.

Рисунки Ю. Шабанова

Декабрьской ночью

РАССКАЗ

УТРОМ начальник Петербургского охранного отделения вызвал к себе лучшего агента. Это был немолодой коротконогий шпик, известный в охранке под кличкой Красноглаз. Так прозвали его за бычьи, навывкате, глаза с красными прожилками на белках.

— Дело исключительной важности, — сказал вполголоса начальник. — Получены сведения, что государственный преступник Ульянов-Ленин скрывается в городе Гельсингфорсе.* Он собирается бежать за границу. Вы меня понимаете?

— Так точно, ваше превосходительство, понимаю! — поспешно заверил Красноглаз.

— В таком случае, вам надлежит сегодня же выехать в Гельсингфорс. Разыщите и арестуйте этого опасного преступника. Местная полиция будет помогать вам...

Он повернул голову к стене, где в золочёной раме висел

огромный портрет рыжебородого царя Николая Второго. Не отрывая глаз от портрета, точно он давал распоряжения царю, а не шпику, начальник продолжал:

— Прежде чем арестовать Ульянова-Ленина, установите его связи: где бывает, с кем встречается. Главное, не дать ему скрыться за границу. Вы меня понимаете?

— Так точно, ваше превосходительство, понимаю! — выкрикнул заученно Красноглаз.

— В таком случае, возьмите под особое наблюдение порт. При появлении Ленина в пор-

* Гельсингфорс — центр Великого княжества Финляндского, входившего до революции в состав Российской империи. Сейчас город называется — Хельсинки.

ту — немедленно арестуйте его.

Начальник перевёл взгляд с царя на шпика. Он смотрел на него долго и пристально. Потом недовольно хмыкнул и сказал:

— Ленин уже однажды оставил вас в дураках... Ушёл, что называется, из-под носа... Имейте в виду, если это повторится, то... Вы меня понимаете?

— Так точно, ваше превосходительство, понимаю! — испуганно закивал головой Красноглаз. Он подобострастно смотрел в глаза начальнику и торопливо бормотал: — Теперь не уйдёт... ваше дительство... Можете положиться, ваше дительство... Теперь я его повадки знаю! Останетесь довольны, ваше дительство...

— В таком случае, приступайте! — коротко бросил начальник. — И помните: за богом молитва, за царём служба — не пропадут!

И он снова поднял благоговейный взгляд на портрет рыжебородого царя в золочёной раме.

ТРИ дня колесил Красноглаз вокруг порта в Гельсингфорсе. На четвёртый день ему повезло: он заметил Ленина.

Стоял декабрь, с залива дул злой, упорный ветер. Человек шёл, высоко подняв воротник зимнего пальто. Но Красноглаз узнал его сразу. Ещё бы! Он отлично запомнил стремительную, лёгкую походку Ленина. Сколько раз семенил Красноглаз за Лениным по улицам и переулкам Петербурга! Сколько раз казалось Красноглазу, что Ленин уже в его руках! И всегда Ленин внезапно исчезал. Исчезал прямо на глазах. Точно проваливался сквозь землю!

И вот сейчас предстоял новый поединок!

Красноглаз был осторожен. Он шёл на большом расстоянии от Ленина. Ловко укрываясь в подъездах и подворотнях, шпик ни разу не попался Ленину на глаза.

Через некоторое время Ленин свернул в узкую небольшую улочку и вошёл в воро-

та двухэтажного деревянного дома.

Уже сейчас агент мог бы связаться с местной полицией, оцепить дом и арестовать Ленина. Но Красноглаз помнил приказание начальника: «установите его связи, где бывает, с кем встречается»... Значит, надо пока что выжидать, выслеживать, запоминать.

Красноглаз был спокоен: скрыться на пароходе Ленину не удастся. В порту день и ночь дежурят агенты охраны. Стоит Ленину показаться в воротах порта, как он будет немедленно арестован. Таков приказ!

Более часа бродил Красноглаз вблизи двухэтажного дома. Ветер с лихим присвистом крутил снежную позёмку, и шпик изрядно продрог. Надвинув поглубже на лысую голову бобровую шапку, Красноглаз направился в пивную на углу. Из окон пивной были отлично видны ворота двухэтажного дома. Второго выхода в доме не было. В этом агент убедился за тот час, что бродил вокруг дома. Довольный собой, Красноглаз заказал бутылку тёплого пива.

А В ЭТО время Владимир Ильич собирался в дорогу. Он знал, что полиция ищет его, догадывался, что агенты охраны уже рыщут по Гельсингфорсу. Нужно было немедленно скрыться. Но уехать из Гельсингфорса за границу можно только на пароходе. А порт кишит переодетыми полицейскими и шпика-

ми. Об этом Ленину уже сообщили. Значит, надо попытаться сесть на пароход в другом месте. И Ленин решил добраться поездом до города Або, а оттуда уехать в Швецию.

Небольшой чемодан был уложен быстро. Но прежде чем выйти из дома, Ленин подошёл к окну. По привычке революционера-конспиратора, он осторожно выглянул на улицу. Улица была пуста. Ленин простоял у окна несколько минут, и за всё это время по улице прошёл только один человек, — какой-то тип в бобровой шапке. Лица его Ленин не успел разглядеть.

Взяв чемоданчик, Ленин вышел из дома. Улица была короткой и просматривалась из конца в конец. По-прежнему на ней не было никаких прохожих. Только на углу, у пивной, стояло несколько свободных извозчиков.

— На вокзал! — с к а з а л

Ленин извозчику. — И, пожалуйста, побыстрее...

Извозчик дёрнул вожжи, взмахнул кнутом, и маленькая лохматая лошадёнка весёло затрусила. И тотчас же из пивной выскочил Красноглаз. Он подбежал к свободному извозчику, бросился в санки и хрипло приказал:

— Поезжай следом!

— Каким следом? — не понял извозчик.

Красноглаз молча показал на следы полозьев. Следы оставляли санки, на которых ехал Ленин.

Извозчик понимающе мотнул головой и вытянул лошадёнку кнутом.

НА вокзале стояла обычная суeta. Поезд в Або отходил через несколько минут. Билет для Ленина был взят заранее. Не задерживаясь на вокзале, Ленин прошёл в вагон. Он сел у окна, расстегнул пальто и, повернувшись спиной к проходу, развернул газету.

Вскоре в вагоне появился Красноглаз. Намётанным глазом он быстро обшарил пассажиров и успокоился. Ленин был здесь.

Красноглаз уселся в отдалении, у самого выхода. Отсюда он мог видеть весь вагон, а главное — он видел Ленина.

Ленин продолжал сидеть спиной к проходу, не отрываясь от газеты. Он не заметил, как вошёл Красноглаз, не оставил газету и тогда, когда рядом с ним плюхнулся на скамью какой-то толстый финн.

«Только бы не вспугнуть! Только не вспугнуть!» — тревожился Красноглаз. От одной мысли, что Ленин может уйти от него, Красноглаза бросило в жар. Он стянул с головы бобровую шапку и сунул её в карман шубы.

...Поезд шёл уже несколько часов. Незаметно наступал вечер. В вагоне стемнело. Ленин отложил газету и откинулся на спинку скамьи. Мелькали разъезды и станции с финскими названиями, входили и выходили пассажиры. Ленин продолжал неподвижно сидеть. Появился контролёр. Его сопровождал кондуктор. В руках у кондуктора был фонарь. При свете тусклого фонаря Красноглаз заметил, что Ленин беззаботно дремлет. Это окончательно успокоило шпика. Ясно, — Ленин не подозревает, что он в западне.

— Ваш-ш-ш-ши билеты! Ваш-ш-ш-ши билеты! — выкрикивал кондуктор и подносил к носу пассажира фонарь.

Неожиданно по вагону пробежал холодный сквозняк. Должно быть, кондуктор плохо закрыл за собой дверь. Красноглаз поёжился и натянул на лысую голову бобровую шапку.

— Ваш-ш-ши билеты! — выкрикнул кондуктор и поднял фонарь над головой шпики.

Нет, напрасно думал Красноглаз, что Ленин беззаботно дремлет. Полузакрыв глаза, Ленин внимательно разглядывал пассажиров. Разглядывал потому, что приучил себя всегда быть начеку, всегда быть

готовым к встрече с полицией, с агентами охраны. Вот и сейчас, незаметно, не меняя позы, Ленин при свете фонаря вглядывался в лица пассажиров. И как только кондуктор поднял фонарь над головой Красноглаза, Ленин сразу же узнал... шапку. Бобровую шапку! Цепкая память революционера-подпольщика мгновенно подсказала ему: такую шапку он видел сегодня из окна. Ну да! По безлюдной улице шёл человек в бобровой шапке. И у того человека усы были тоже колечком.

Пока контролёр рассматривал билет Красноглаза, Ленин сделал ещё одно важное наблюдение. У пассажира в бобровой шапке не было никакого багажа. Значит, он никуда и не собирался уезжать, а попал на поезд неожиданно. Было ясно, это — шпик.

А поезд с каждой минутой приближался к Або. Скоро будет последняя остановка. От неё до Або меньше пятнадцати вёрст.

Красноглаз был спокоен. Ленин на месте. В Або на перроне дежурят два шпика. Втроём-то они не упустят Ленина. Опасный государственный преступник будет арестован. И он, Красноглаз, за верную службу царю и отечеству получит немалое вознаграждение. За царём служба не пропадёт!

Толстый финн, что сидел рядом с Лениным, неторопливо, со смаком посасывал свою коротенькую трубку. Красноглаз вытащил массивный серебря-

ный портсигар, но портсигар оказался пуст. И, должно быть поэтому, Красноглазу захотелось курить ещё сильнее. Но вот и последняя станция перед Або. Шпик увидел в окне папиросника. Он стоял на перроне, и лоток его был наполнен яркими коробками папирос, сигарет и сигар.

Красноглаз бросил взгляд на Ленина. Ленин по-прежнему дремал в своём углу. Красноглаз направился к выходу. Он не тревожился: сейчас уже Ленин не сбежит. Двери на противоположном конце вагона закрыты. Это он проверил лично.

Красноглаз встал на ступеньку вагона, заслонил спиною выход и крикнул папиросника. Папиросник направился к вагону, но какой-то пассажир перехватил его на полпути. Пассажир взял пачку папирос, потом передумал и взял пачку сигарет. Только заку-

рив, он вытащил кошелёк и расплатился с лоточником.

Красноглаз злился. Сейчас пробыёт третий звонок, поезд тронется, и до самого Або ему придётся страдать без папирос.

Лоточник подбежал к Красноглазу одновременно со свистком главного кондуктора.

— Десяток «Душистых»! — крикнул шпик и швырнул лоточнику пятак. Проворный торговец, уже на ходу поезда, сунул Красноглазу пачку папирос...

Поезд набирал скорость. Красноглаз стоял в тамбуре и с наслаждением затягивался крепким, ароматным табаком. Он был в прекрасном настроении. Через четверть часа — Або! Интересно, где Ленин проведёт эту ночь? Если он сейчас отправится в порт, то будет там немедленно арестован. Впрочем, в порту сегодня Ленину делать нечего. Пароход в Швецию уходит завтра.

Он швырнул окурки на пол, придавил огонёк каблуком и вошёл в вагон. В вагоне было оживлённо и шумно. Пассажиры собирались выходить в Або. Красноглаз бросил быстрый, вороватый взгляд на скамью, где оставил Ленина... и от страха у него пересохло во рту. Его бычья, навывкате, глаза, казалось, выскочат сейчас из орбит. Ленина в вагоне не было! На скамье сидел только толстый финн и по-прежнему тянул свою трубочку.

Красноглаз заметался по вагону. Куда исчез Ленин? Как? Когда? Ещё минуту назад он сидел рядом с фин-

ном и дремал. И не проявлял никаких признаков беспокойства. А теперь его нет! Ушёл! И даже — с чемоданом! Опять обвёл вокруг пальца! Опять оставил в дураках! Но как, как он ушёл?

Внезапная догадка осенила шпика. Он бросился в тамбур, где только что с таким удовольствием дымил ароматной папиросой. Так и есть! Открыты обе двери, и на левую и на правую сторону. Никаких сомнений больше не было. Пока Красноглаз стоял на ступеньке, закрывая выход спиной, Ленин спокойно вышел в противоположную дверь и скрылся в темноте...

БЫЛО около двух часов ночи, когда Ленин добрался до окраины Або. Более двенадцати вёрст прошёл он пешком. Путь был нелёгок. Ветер намёл снежные сугробы, и в темноте безлунной ночи Ленин то и дело увязал по колено в снегу. Он промёрз и от усталости валился с ног.

В Або была тишина. Маленький город спал глубоким сном. Ленин шёл по сонным улочкам, и в тишине было слышно, как под его ногами скрипит снег. В неподвижной ночной тишине Ленину казалось, что скрип этот может разбудить весь город.

Владимир Ильич двигался уверенно по незнакомым улицам и маленьким кривым переулкам. Ещё в Гельсингфорсе он изучил план Або и теперь безошибочно шёл на конспиративную квартиру.

В третьем часу ночи Ленин осторожно постучал в дверь финского революционера Борга. Ленин рассказал Боргу всё, что случилось с ним в поезде: как он заметил за собой слежку и как ушёл от шпики.

— Мне надо немедленно скрыться за границу, — закончил свой рассказ Ленин.

Борг поинтересовался, что будет Владимир Ильич делать за границей.

Ленин ответил:

— Большевистский центр поручил мне издавать за границей нашу газету. Я должен приступить к работе как можно скорее. Я хочу попасть на пароход, который уходит сегодня в Швецию.

— Хорошо, утром я схожу в порт. У меня там знакомые. Может быть, удастся помочь вам. А сейчас — спите. Набирайтесь сил. Они вам ещё понадобятся.

БОРГ вернулся из порта только в полдень. Он принёс дурные вести.

— Нечего и думать об отъезде, — сказал он мрачно. — В порту полно шпики. Из Петербурга прислали...

— Вы не заметили типа в бобровой шапке? — спросил Ленин.

— Торчит у портовых ворот.

— Тогда мне и близко нельзя показываться. Нет ли возможности сесть на пароход в ближайшем порту?

— В другое время года можно, а сейчас нельзя.

— Почему?

— Ближайший порт на острове. До него надо добираться пешком. По заливу... версты три, не меньше.

— Три версты пешком по заливу? Я пройду их без всякого труда.

Борг угрюмо мотнул головой:

— Даже местные жители, опытные рыбаки, и те не отваживаются сейчас на этот путь.

— Но почему?

— Лёд на заливе ненадёжен... Встречаются трещины, полыньи...

Ленин прошёлся по комнате, обдумывая что-то, потом спросил:

— Значит, за последние три-четыре дня на этот остров никто не мог пробраться?

— Никто.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно уверен!

— Значит, туда не могли попасть и агенты охраны. А это как раз то, что мне и надо.

Вечером я отправлюсь на остров.

— Но вы не дойдёте до острова! Я же объясняю вам: лёд ненадёжен, вы можете провалиться... погибнуть...

Напрасно Борг отговаривал Ленина от рискованного путешествия. Ленин был непоколебим. Тогда Борг сказал:

— Пойду искать вам проводников. Хотя уверен, что таких безумцев не найдётся...

БОРГУ удалось уговорить двух финских рыбаков сопровождать Ленина половину пути. Так и условились: как только покажется остров, проводники повернут назад.

— Никто не соглашался, — рассказывал Борг. — Только эти двое... опытные рыбаки... Отчаянные люди. Но и они, как видите, не решаются идти до самого острова.

Борг снова попытался отговорить Ленина от опасного путешествия. Ленин ответил коротко:

— Благодарен вам за всё. Решение моё неизменно.

Под вечер Ленин ступил на лёд. В одной руке он нёс чемоданчик, в другой держал палку. Поначалу проводники шли впереди его, потом постепенно начали отставать. Плестись позади было спокойнее. Если встретится коварная полынья, в неё попадёт этот отчаянный человек. А они вернутся домой и выпьют за его здоровье!

По правде сказать, они были пьяны ещё со вчерашнего дня. Потому-то и согласились на такое страшное путешествие.

Но сейчас, на морозце, они протрезвились и — благодарим покорно! Они не хотят идти на дно! Нет, дальше они не пойдут ни за какие деньги!

Один из рыбаков окликнул Ленина сиплым простуженным голосом. Ленин обернулся. Рыбак сказал на ломаном русском языке:

— Хотить назат нато... Хотить перёт нато нет. Перёт — вода... буль-буль...

Ленин взглянул вперёд и вдруг увидел далеко-далеко вспыхнувший огонёк. Вслед за ним зажглись ещё два-три робких огонька.

— Что за огни? — спросил Ленин.

— Окни? То — остроф. Та-леко. Один фёрст... ещё один фёрст... два фёрст... Там рашно... тонуть можно...

— Если вам страшно, возвращайтесь домой, — сказал Владимир Ильич. — Теперь я не заблужусь.

И Ленин двинулся на свет огоньков. Через два часа корабль подойдёт к острову. К этому времени он должен быть там. Капитан обо всём преду-преждён. Капитан примет его на борт без билета. И тогда завтра же Ленин сойдёт на берег Швеции. За границей царская полиция не сможет его арестовать...

С каждым шагом огни становились ярче и больше. До острова оставалось уже не более версты. И вдруг Ленин почувствовал, что из-под ног его уходит льдина. Противно булькнула вода. «Глупо, как глупо приходится погибать!» —

пронеслось в голове Ленина. Но он не потерял самообладания, не растерялся. С силой оттолкнувшись, Ленин перескочил на другую льдину. Некоторо-

рое время он стоял неподвижно, сам не веря в своё спасение. Потом поднял со льда чемоданчик и уверенно зашагал к острову.

*

В. Верховский, Г. Гонне

Великий пример

Спешат года...
Идёт двадцатый век.
И коммунизм встаёт пред нами зримо.
Каким он будет, новый человек? —
Нам это крайне знать необходимо.
 Что он возьмёт от нас, что не возьмёт
 В те дни всечеловеческого счастья?
 Трудом мы время двигаем вперёд,
 Мечтой с грядущим видимся всё чаще.
Но помним мы далёких дней прибой,
Побед великих славное начало,
И Ленина на башне броневой
У здания Финляндского вокзала.
 Брала страна в грядущее разбег,
 Но и тогда, как мы, считали люди,
 Что и при коммунизме человек
 На Ленина во всём равняться будет.

Десять дней из тысячи

Вот только 10 фактов первой тысячи дней семилетки.

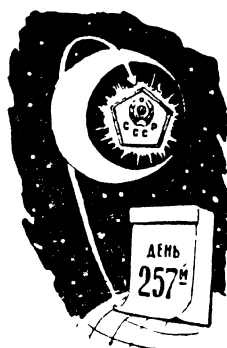
В Кузбассе вступила в строй шахта «Ветка - глубокая», рассчитанная на добычу четырёх тысяч тонн концентрированного угля в сутки.

В Николаеве спущена на воду крупнейшая в мире китобойная база «Советская Украина».

Крупнейший в мире воздушный лайнер «ТУ-114» совершил первый дальний испытательный полёт.

На Луну доставлен вымпел с Гербом Союза Советских Социалистических Республик.

Прошли успешные испытания первого в мире атомного ледокола «Ленин».

ДЕНЬ 702-й

На Криворожском заводе имени Ленина начала работать самая крупная домна в мире.

ДЕНЬ 839-й

Впервые в мире человек, коммунист Юрий Гагарин на корабле «Восток» совершил полёт в космос.

ДЕНЬ 942-й

Опубликован проект Программы Коммунистической партии Советского Союза.

Сдана в эксплуатацию самая крупная в мире Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС.

26
сентября
1961 г.

Строители Прибалтийской ГРЭС досрочно закончили монтаж пятого 100-тысячного генератора.

К о м м у н и с т

(Главы из документальной повести)

Фашистские самолёты появились над станцией внезапно, вынырнув откуда-то из-за леса. От взрыва тяжёлой бомбы вагоны, оставленные в тупике без паровоза, смяв подложенные под колёса «башмаки», пошли под уклон. Вдоль состава бежали проводники, приказывая всем немедленно выпрыгивать из вагонов. Женщины, прижав к груди ребятшек, прыгали на землю, падали. Вагоны быстро пустели. Только в одном из них оставались двое: Алексей и Шура.

Мысль билась лихорадочно. Алексей понял, что спасения нет. Но нет только для него, обезноженного!.. А Шура? Жена! Она ещё успеет выпрыгнуть, пока вагоны не разбились.

И он, думая, что говорит спокойно, закричал ей, вложив в этот крик всю свою боль:

— Шура! Немедленно прыгай! Оставь меня!..

А она, испуганно прижавшись к нему, прошептала:

— Что ты, Алёша!

Вагоны набирали скорость, готовые вот-вот опрокинуться с крутого обрыва в реку. Люди, знавшие, что в одном из вагонов остались Васильевы, бежали вслед за составом, цепляясь за поручни вагонов,

думая этим остановить его. Но всё было напрасно.

Наконец кто-то, заведя куachu шпал, бросился к ним, потащив за собой ещё несколько человек. И пока вагоны приблизились к ним, они успели выстроить на рельсах маленькую баррикаду.

ПО НОРМАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ...

Путь до города Советска, расположенного в Кировской области, был долгим.

В кабинет секретаря райкома Алексея внесли на руках.

Секретарь поспешно помог разместиться прибывшим на райкомовской кушетке и стульях и спросил шофёра:

— А ты где же, Миша, намочил людей? Дождя-то вроде нет.

Шофёр сердито вымолвил:

— На пристани беспорядок. С парохода по трапам через баржи до берега люди добираются. Уронили матросы товарища, чуть не утопили человека...

Алексей с трудом достал из кармана партийный билет и протянул его секретарю.

— Так это вы и есть Васильев? — почему-то удивился секретарь.

— Я и есть, — спокойно подтвердил Алексей.

— Как же так?! Позвольте, но у меня есть телеграмма вашего депутата товарища Игнатьева...

Секретарь начал торопливо перебирать бумаги на столе.

— Вот она: «Нагрузите Васильева Алексея Николаевича работой по нормам военного времени...»

Секретарь снова с недоумением взглянул на Алексея. Телеграмма Игнатьева и товарищи из обкома утверждали, что в Советск едет сильный и волевой коммунист, способный работник, а перед ним сидел измученный, больной человек с неподвижными ногами и телом. Шутка тут вроде бы исключалась. Не такое время.

«Что же это за человек?» — подумал секретарь и тут же вспомнил, что вслед за телеграммой от того же Игнатьева пришло в райком письмо, которое он за каждодневными хлопотами так и не успел про-

честь. В письме, видимо, тоже говорилось о Васильеве.

— Простите, я на минутку, — секретарь поднялся и вышел из кабинета. Ему быстро отыскали письмо Игнатьева. Да, так и есть: в нём подробно рассказывалось о жизни Алексея Николаевича.

«...Приехал он в Лужский район в самом начале тридцатых годов. По путёвке Ленинградского обкома ВЛКСМ была к нам направлена группа товарищей с Адмиралтейского завода. Надо было ликвидировать прорыв на лесозаготовках. Васильев как-то сразу бросился всем в глаза. Было у этого парня какое-то необыкновенное трудолюбие, исключительная правдивость и честность. Вскоре избрали его ребята секретарём Мшинского кустового комитета комсомола. В той деревне, где он жил с товарищами, сумел Алексей всех убедить в необходимости объединиться в колхоз. Назвали колхоз «Имени IX съезда комсомола», а недавнего комсомольского секретаря взяли да и избрали председателем.

Друзей у Васильева в деревнях было великое множество. Ну, понятно, и врагов он своей кипучей деятельностью нажил себе немало. Кулачье тогда лютовало: поджигали колхозные амбары с зерном, травили скот. Васильев боролся с ними со

всей революционной решительностью. И враги его не пощадили.

Майской ночью 1933 года прогремел выстрел. Кулацкая пуля раздробила Алексею позвоночник и застряла в лёгких.

Спасти Васильева удалось. Но в 22 года стал он инвалидом. Ноги не действовали, туловище потеряло подвижность.

Не сложил оружия Васильев. Напрасно советовали ему спокойно лежать в постели. Он требовал работы и своего добился...»

Секретарь райкома оторвался от письма. Потом мельком взглянул на следующие строчки, в которых говорилось, где, на каких должностях работал Васильев. Но всё и без того уже было ясно: на такого человека можно было положиться!

Секретарь вернулся в кабинет.

— Поехали-ка на квартиру, — неожиданно распорядился он и, добродушно улыбаясь, предложил Васильеву:

— Держись-ка крепче! Один донесу. — Он легко поднял на руки Алексея, мигом вынес его из кабинета, усадил в машину.

Устроив приезжих и выпив с ними по кружке чая, секретарь вернулся в райком и ещё раз перечитал телеграмму Игнатъева: загрузить Васильева работой по нормам военного времени.

«Наверно, люди знали, что писали, — думал секретарь. — Ну что ж, посмотрим. Пусть отдохнёт несколько дней с дороги, а там... Что если ему

доверить девятнадцатый детский дом? Прореха там — ой какая!...»

— Попробуем! — уже твёрдо решил он и, сняв телефонную трубку, попросил соединить его с областным отделом народного образования.

ЗНАКОМСТВО НА ДОРОГЕ

По первопутку в санях они поехали принимать детский дом. Шура сидела рядом, бережно прикрыв ему ноги одеялом.

— А зима-то хороша! А, Шура? Смотри, и сосны такие же, как у нас в Луге, — радостно говорил Алексей.

Шура молчала.

Раздумья были прерваны детским криком. Когда сани сделали крутой поворот к базарной площади, навстречу возку выскочил из толпы оборванный мальчишка. Поскользнувшись на раскатанной колее дороги, он упал под самые ноги лошади и скорее с досады, чем от боли, неистово завопил.

Следом за мальчишкой из толпы выбежала женщина, держа в руках оторванный воротник от зимнего детского пальтишка.

Нагнав беглеца, она схватила его за ухо и властно потребовала следовать за ней в милицию. Мальчишка упирался и, растирая по лицу слёзы, упорно повторял одно и то же:

— Не пойду! Не пойду!

— Что случилось? — обратился Алексей к женщине.

— А то, что каждый день случается, — бойко выкрикнула торговка, пытаясь силой подтолкнуть мальчишку на панель.

— Нет, нет! Вы подождите распоряжаться судьбой ребёнка, — потребовал Алексей. — Не видите, он без шапки и почти босой.

— Он у меня лепёшку со стола схватил, а я что, должна теперь смотреть, босой он там или без шапки, — кричала женщина. Но вскоре, заподозрив, что случай свёл её с какими-то ответственными работниками, неохотно отпустила мальчишку.

— Ты чей будешь? — спросил его Алексей.

— Из детдома я, — всхлипывая, ответил мальчик. — Из девятнадцатого...

— Тогда нам по пути, — воскликнул обрадованно Алексей. — Усаживайся рядом!

Предчувствуя новые неожиданные перемены, мальчишка перестал хныкать. Накинув на

его лохматую, давно не стриженную рыжую голову свой шарф, Шура ласково обняла мальчишку:

— Зовут-то как?

— Сева, — доверчиво ответил паренёк.

— Надевай-ка мои рукавички. За кучера будешь. А то меня лошадь плохо слушается, править я не мастерица.

Сева, довольный столь неожиданным поворотом событий, задёргал вожжи.

— Давно ты здесь? — спросил Алексей.

Сева насторожился. Ему казалось, что этот незнакомый мужчина, который сказал, что теперь он будет директором детдома, прежде всего начнёт допрос: почему он оказался на базаре?

— С начала войны, — сдержанно ответил на вопрос Сева.

— Где же тебя война застала? — услышал он новый вопрос.

— В Латвии. Отец на фронт ушёл, а мать снарядом убило. Фашисты целились мост разбить, а вышло иначе. В мост промазали, а в мамку попали. Она воду несла...

Бесхитростное объяснение Севы потрясло Алексея и Шуру. Веснушчатый мальчишка стал как-то сразу дороже и роднее.

— А в школу ты ходишь? — спросил Алексей.

— Хожу. Только сегодня не пошёл, — с чувством досады признался Сева. — Поестъ захотелось. Я вначале по-хорошему попросил, а она ворюгой обозвала. Я тогда и схватил у неё лепёшку эту. Из живота, думаю, не достанет, а если поймает да тумачков надаёт — стерпеть можно.

Спохватившись, думая, что он зря проболтался о своих похождениях на базаре, Сева внезапно смолк. А затем неожиданно заявил:

— Всё равно уберу из детдома. Неинтересно тут. На фронт уберу. Разведчиком буду. Я не боюсь!

— Храбрость для разведчика первое дело. Но только в разведке и смекалка нужна и знания. Без них сгинешь ни про что. Немецкий язык вам в

школе преподают? — взглянул Алексей на Севу и услышал в ответ совершенно неожиданное.

— Чепуха, — многозначительно, по-серьёзному заметил Сева. — Для настоящего разведчика другие слова нужно знать. Мы вот Славкино пальто на базаре продали, словарь приобрели. Из него можно такие предложения составлять, будто ты всамделишный немец. А в школе — чепуха.

— Дороговато вы за словарь заплатили, — пошутил Алексей.

Сева понял шутку и откровенно признался:

— За словарь только пятёрку отдали, а на остальные деньги картошки купили...

— А Славку, значит, без пальто оставили? — перебил его Алексей. — Да разве настоящие советские разведчики сняли бы в холод со своего товарища шинель?..

Когда сани уже подъехали к детскому дому, Алексей и Шура слышали крик:

— Берегись! Пошла!

В парке, окружавшем детский дом, разворачиваясь могучей кроной, со стоном и шумом рухнула на мёрзлую землю вековая липа. Сухие сучья, изломанная жердь и домик скворечника разлетелись по сторонам.

У Алексея потемнело в глазах и он не сразу понял отчего, — от боли в позвоночнике, вдруг резко напомнившей о себе, или от того, что он сейчас увидел.

Сева, миновав канцелярию и

кухню, подъехал к группе ребят, которые уже проворно очищали сучья с поваленной липы. С ребятами был пожилой мужчина, как выяснилось, завхоз.

— Прекратите! — возмущённо крикнул Алексей. Завхоз опустил топор и, догадавшись, что он имеет дело с новым директором, пытался оправдаться:

— Зима нагрязнула. Замерзают ребяташки. Вот и решили пару липок спилить. Для аллеи урон не велик...

Завхоз говорил с удивительным спокойствием, похожим на равнодушие, и это ещё в большей мере возмутило Алексея. Он перестал смотреть на завхоза и обратился к ребятам:

— Такую красоту разрушаете! А дрова-то в лесу, рядом... — Он посмотрел на поваленную липу, добавил: — И скворечника не пожалели... Как же так, ребята?

Дети молчали и удивлённо переглядывались.

Алексей понимал, что не они тут виноваты, но с завхозом ему не о чем сейчас было говорить.

— А вторую липу мы ещё спасём, лечить будем. Верно, Сева? — услышали ребята голос незнакомца и радостно посмотрели на вторую липу, от которой отходил с топором завхоз.

«КАРТОФЕЛЬ ДЛЯ СУПА ЕСТЬ»

— Покажите раскладку продуктов на завтра, — первым.

делом попросил Алексей бухгалтера.

Бухгалтер, явно не ожидавшая этого вопроса, растерялась, стала перебирать корешки накладных и книгу счетов.

— Один хлеб остался. Продукты на завтра уже полностью израсходованы. День ребятам потерпеть придётся, — нерешительно заметила она.

— Как можно было дойти до такой жизни? — не пытаясь сдержать своего негодования, спросил Алексей.

— Говорить-то всем легко, а вот на деле как? — с ехидством заметил стоявший рядом завхоз.

Входить с ним в пререкания было бессмысленно, и Алексей распорядился:

— Соберите всех работников детского дома. Всех, от завуча до уборщицы.

Собравшиеся, каждый по-своему, думали о причине столь внезапного совещания, но никто из них не думал, что эта первая коротенькая встреча с новым директором не только на долгое время останется в памяти, но и круто изменит весь уклад их собственной жизни и работы.

— В детском доме создано угрожающее положение, — начал Алексей. — Многие дети болеют, в помещениях холодно, а в довершение ко всему завтра они могут остаться без обеда и ужина. Фронтовики не простят нам, если мы сегодня же не придумаем, как согреть и чем накормить детей. Александра Ивановна,

сколько у нас имеется личных сбережений, денег, то есть?

— Денег? — несколько растерявшись, переспросила Шура. — Очень немного. Рублей двести.

— Положите их на стол.

Шура раскрыла сумочку и, вытащив помятые бумажки, положила их на стол перед Алексеем.

— Картофель для супа есть. Нужны ещё деньги на мясо, крупу и компот, — сказал Алексей и вопросительно посмотрел на собравшихся.

Мысль директора для всех стала ясной. Через несколько минут на столе выросла грудка денег, — сколько у кого было при себе, всё теперь лежало перед Алексеем.

А несколькими часами позже торжествующий Сева вместе с детдомовским поваром тётёй Аней и Александрой Ивановной ехал на базар закупать продукты.

«СЛАБАКИ»

Следующий день решено было объявить воскресником по заготовке дров. Узнав о готовящемся воскреснике, к Алексею нагрянула возбуждённая ватага воспитанников:

— Мы в лес хотим, Алексей Николаевич!

Перед ним стояли разные по возрасту и характерам мальчики и девочки, чумазы и плохо одетые. У всех у них война отняла отцов и матерей и, может быть, поэтому так серьёзны были их взгляды. Но светила в этих взглядах и какая-то надежда. На что?

Утром им сказали, что завтра они останутся без обеда и ужина. Но вот приехал новый человек, и Сева с тётей Аней отправились на базар закупать продукты. Ясно, что он где-то раздобыл деньги, этот новый человек, которого в дом почему-то вносили на руках. Он, наверно, был ранен фашистами там, где сражаются сейчас их отцы. Он, наверно, знает их отцов. И они, наверно, попросили его ни разу не оставлять их ребят без обеда и ужина.

— В лес так в лес, ребята, — весело сказал Алексей. — Но учтите — это работа. Не ныть потом!

— Есть не ныть! — дружно раздалось в ответ. Ребята ожились. Алексей тут же предложил им разбиться на «пятёрки» и завтра устроить соревнование между «пятёрками».

Сева и его друг Андрей Клыпа выбрали в свою пятёрку самых сильных и расторопных мальчишек. Ребят из последней пятёрки, в которой оказались самые маленькие, Сева тут же окрестил «слабаками» и презрительно посоветовал им собирать сучки для костра.

В лес Севкина бригада ушла бодро, с песней. Но потом...

Шура решила посмотреть, как идёт работа в пятёрках. Больше всего ей почему-то захотелось побывать у Севы.

В роще там и тут горели костры, лежали спиленные берёзы и есны. Подходя ближе к тому месту, где работала пятёрка Севы, Шура заметила, что работают там только трое.

— А где же Сева и Андрей?

Ребята, будто ничего не понимая, подняли на неё удивлённые глаза.

— У нас дров не меньше, чем у других.

— Дров-то не меньше, — согласилась Шура, взяла у ребят топоры и пилу, загасила снегом их костёр и неожиданно строго приказала:

— Направляйтесь сейчас же в детский дом и доложите Алексею Николаевичу, куда пропали ваши товарищи.

Мальчики топтались на месте, но им ничего не оставалось делать, как послушаться этого приказа.

Оставшихся дома было немного. Но и для них, как заметили подходившие ребята, нашлось интересное дело. В беседе с завучем Алексей выяснил, что мальчики и девочки мечтают о своём катке. Алексей и направил бригаду на речную заводь. Остальные должны были убрать двор, подмести дорожки в саду.

Определив всех на дело, Алексей взялся за телефон. Надо было позвонить в отдел кинофикации, чтобы вечером после воскресника ребятам показали интересный кинофильм. В этот момент в комнату вошли трое ребят, которых послала к нему Шура.

— Что скажете? — посмотрел он на них. Они молчали. Потом самый храбрый из них, Венька, не выдержал тягостного молчания и рассказал, в чём дело, признавшись, что Сева и Андрей ушли в город на базар за табаком. Едва

Венька кончил рассказ, в дверь постучали и на пороге появились сначала сконфуженные Сева и Андрей, а вслед за ними милиционер.

— Ваши? — строго спросил он Алексея.

подействовало на подростков.

— Всё там же, — пояснил он, — на базаре.

— Ну-ну, оставляйте дезертиров у меня. Спасибо вам, — кивнул Алексей милиционеру.

На дворе появились подводы с дровами. В морозном воздухе зазвенели ребячьи голоса. Алексей посмотрел в окно:

— Вернулись богатыри! С

— На моих не похожи!

— А посмотрите-ка получше, вот на этого, например, — и милиционер похлопал по плечу Севу.

— Мой Сева в лесу дрова заготавливает, — серьёзно ответил Алексей. — А этих «слабаков» где встретили?

От слова «слабак» Сева и Андрей вздрогнули, лица их залились румянцем. Милиционер удивился, почему это безобидное слово директора так

победой! Добрые дрова! Ай-да ребята! Из таких и хорошие разведчики получатся!.. — И, обернувшись неожиданно к Севе и его товарищам, глухо, с возмущением сказал:

— А вы, «слабаки», идите,

порадуйтесь вместе с товарищами.

Венька, Юрка и Серёжа кинулись к выходу. Но Сева и Андрей продолжали стоять как вкопанные.

— Что же вы, идите! — повторил им Алексей, но они не двигались, хотя Сева готов был сейчас хоть провалиться на месте. Он не знал теперь, как даже прощения просить, потому что где-то в глубине своего сердца чувствовал: за такое прощать нельзя. И новый директор, наверно, сразу бы пал в его глазах, если бы несколько минут назад вздумал защищать его от милиционера так же, как защищал от той торговли. Но директор и не думал его защищать, а напротив, при всех назвал его слабаком.

Сева вдруг не выдержал и заплакал. Вслед за ним всхлипнул Андрей. Алексей выждал, пока они успокоятся, потом с огорчением заметил:

— Подвели вы меня. А что если бы я с вами в разведку пошёл? Вы тоже бросили бы всё дело из-за какой-нибудь махорки?

— Алексей Николаевич, это в последний раз, — произнёс Сева.

— В последний, слово даём, — подтвердил Андрей.

СВЕТ В ОКНЕ ДИРЕКТОРА

Казалось бы, пустяковина — просторное, но холодное помещение прачечной, с разбитым полом и свистящими сквозными ветрами, — сколько раз и сколько людей проходило ми-

мо этого мрачного строения, но никому в голову не приходило превратить этот обречённый на слом «дворец» в хорошую, тёплую баню.

Алексей, которому пришла эта мысль, радовался своему открытию, как ребёнок. О затее оборудовать из старой прачечной баню он сразу же решил посоветоваться со старшими ребятами.

Вызванные к директору Андрей и Сева, не чувствуя на этот раз за собой никакой вины, недоумевали: «Зачем это Алексей Николаевич к себе вызывает?»

— Прачечную нашу знаете? Бывали в ней? — оговорил их директор неожиданным вопросом.

— На дрова, может, годится, — рассудил Андрей.

— Зачем на дрова, — возразил ему Сева, — почистить бы её и какую-нибудь кладовку соорудить.

А директор посмотрел на обоих весёлым взглядом и сказал то, чего они никак не ожидали:

— Ребята, а нельзя ли нашу прачечную под баню переоборудовать? Как вы на это смотрите? Я вот тут подумал, что для этого потребуется: жерди, глина, солома, а главное, конечно, желание. Как вы думаете, поддержат ребята это дело?

— Да ребятам только сказать, они могут...

Что именно могут сделать ребята, если им только сказать, Андрей не договорил, но всё было ясно уже по тому, как заблестели его глаза.

— Выходит, строим?—спросил Алексей. — Тогда Севу назначаю начальником строительства, а тебя, Андрей, начальником снабжения.

Ребята так и застыли с раскрытыми ртами. Чего-чего, а этого они даже и не предполагали. Начальником строительства!..

— А в прошлый раз нагоняй дал, — недоумевал Андрей, когда они, ошарашенные своим новым назначением, выскочили на улицу.

— Чудак, он же тогда сказал, что верит нам. Понял?

Посреди ночи Сева проснулся, и больше ему что-то не хотелось спать. Он уселся на кровати. Потом отодвинул занавеску и выглянул на улицу:

— Андрей, а у директора свет горит!..

— У него и вчера горел. Вставал ночью.

— А что он делает ночью?

— Наверно, книжки читает, — предположил Андрей. — Видал, у него книг сколько, наверно, тысяча, а то и больше...

— А ты заметил, — зашептал Сева, — на двух полках всё Ленин и Ленин...

ОГОРОД

Алексей не мог не видеть, что, несмотря на всё, что было уже сделано, жизнь воспитанников во многом ещё не совпала с теми мечтами, которыми были полны головы ребят. Что можно предпринять, чтобы ребята не жили впроголодь, чтобы не заботила их нужда хотя бы о куске простого ржаного хлеба? Коллектив в детском доме обретал силу, но она, сила, должна была найти себе применение. Не может большой коллектив жить без большого дела. Если такого дела нет, распадается и коллектив. И Алексею пришла

мысль: а что если весной силами ребят взяться за создание большого огорода?

Он рассказал о своей идее воспитателям, а потом и ребятам на совете воспитанников. Поднялись споры, но спорили не о том, нужен огород или нет, а о том, каким он должен быть по размерам.

Начался огород с истории со Зверобоем. Так звали старого дородного быка, содержащегося при детском доме. Его-то, когда для работ на огороде не стало хватать тягловой силы, и решили приспособить к упряжке. Бык имел лютый характер. Когда на его шее засунили хомут, он долго тряс головой и усердно бил копытом. Убедившись, что таким образом не освободишься от хомута, Зверобой изломал загородку, вырвался на свободу, разогнал ребят с катка и до глубокого вечера не возвращался в стойло. Но хомут на нём оставили и на ночь. Серё-

жа Котов и Миша Полозов, шефствовавшие над быком и знавшие его повадки, утром следующего дня торжественно объявили, что упрямый Зверобой с хомутом смирился и с прежним аппетитом снова пожёвывает хрустящее сено и ласкается, когда его угощают печёной картошкой или кусочком хлеба.

Наконец быка попробовали запрячь в дровни. Уверенный в непомерной силе Зверобоя, Серёжа Котов усадил на дровни всех желающих прокатиться, а сам, пятясь, поманил быка за собою куском хлеба. Зверобой, рванув сани, не обращая внимания на ликующий смех и крики свалившихся от толчка в снег шумных пассажиров, жадно потянулся за лакомством, которое приятно щекотало его ноздри запахом подгоревшей корочки. Но лакомство неожиданно отодвинулось от его рта, и снова быку пришлось ступить за ним несколько шагов вперёд.

— Пошёл!

— Прицепляй вожжи! — восторженно кричали ребята,

радуясь столь необычной прогулке. Горожане, увидевшие в запряжке быка с весёлой ватагой седоков и сосредоточенного поводыря, шедшего впереди этой шумной процессии, останавливались на панели, поразному оценивая ребячью забаву. Одним это казалось весёлой шуткой, другим — недопустимым хулиганством. А бык, видимо, не теряя надежды на то, что пахучая корочка рано или поздно всё же окажется в его желудке, послушно следовал за Серёжей.

Через некоторое время Зверобой стал ежедневно появляться на улицах Советска с возом продуктов или другой поклажей, но это уже никого не удивляло...

Майским воскресным днём детский дом опустел. Все, от маленького Коли Залётова, считавшегося самым младшим сыном детского дома, до директора, ушли или уехали в поле. Лошади едва успевали наезжать борозды. Разбитые на группы ребята вместе с воспитателями бережно укладывали в землю картофельные

клубни. И, глядя на слаженную работу ребятшек, увлечённых трудом, Алексей радовался весёлому, бодрому настроению, царящему вокруг:

— Нет, мы ещё поспорим, поспорим, кто кого!

ВЫЗОВ

Мартовским утром 1944 года к детскому дому подъехал райкомовский газик. Алексей, тщательно выбритый, сидел в своём подвижном кресле и беседовал с колхозницей из соседней с городом артели Пелагеей Ивановной.

— Раненько встаёшь! — дружески поздоровался с Алексеем секретарь и обратился к Пелагее Ивановне: — А ты какими судьбами здесь, Пелагея Ивановна?

— Мальчишку хочу усыновить, — ответила та и, несколько растерявшись, привстала со стула, боясь, что её присутствие помешает разговору секретаря райкома с директором.

— Сиди, сиди! — остановил её секретарь. — У тебя сердце доброе, знаю! Не обидишь парня. Алексей Николаевич отдаёт тебе сына-то?

За Пелагею Ивановну на этот раз ответил Алексей:

— Материнскую ласку ничем не заменишь. Боюсь, товарищ секретарь, что скоро мне другую работу подыскивать придётся. Растащат моих ребятшек жители Советска.

— Что ж ты с людьми делаешь! — сказал секретарь. — А что касается другой работы, горевать тебе не придётся.

Лужские коммунисты тебя в райком ждут. Получай вызов из Ленинградского обкома партии.

Алексей держал в руках вызов из Ленинградского обкома партии и письмо от Ивана Дмитриева, возглавившего сразу же после освобождения Луги райком партии. Иван звал его на работу в райком:

«Нужен ты здесь, Алёша, прямо вот как нужен, приезжай немедленно, бюро райкома так решило и просит тебя».

И, читая эти строчки, Алексей на какое-то время перестал ощущать боль. Когда она сама напомнила ему о себе, он отнёсся к её толчку с удивлением и тут же снова забыл о ней. Одно чувство наполняло сейчас его сердце. Вызов из обкома! Значит, помнят его товарищи и, значит, нужен он людям!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошли годы. Из пепла руин, из развалин поднялась и стала ещё красивее новая Луга. Много сделали для неё

люди, много ума и сердца вложили в свой труд коммунисты, не малая доля в этом труде принадлежит и Алексею Николаевичу Васильеву.

До 1949 года работал он в Лужском райкоме партии. Но потом обострилась болезнь. Обстоятельства принудили семью Васильева переехать в Ленинград. Сейчас тяжёлый недуг по-прежнему не позволяет ему подняться с постели. Но какой силой воли, какой неугасимой жизнерадостностью наделён этот человек!

Небольшая квартира № 108 в доме № 172 по Московскому проспекту знакома многим. Коммунист Васильев остаётся в строю. С ним переписываются десятки людей, к нему приходят делегации пионеров, комсомольцы, старые коммунисты.

Нет у Алексея Николаевича сейчас никакой должности. Люди просто идут к нему за добрым словом, за советом. И даже за помощью, за поддержкой. Могучую и добрую энергию жизни излучает этот человек.

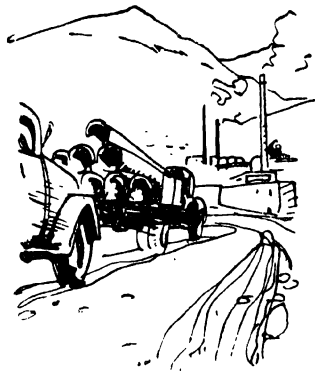

Сказали: «Город будет!» Сегодня город есть!

Ещё в древности Русь называли «страною городов». Называли так справедливо: много их строилось. Но могла ли старая Россия даже представить себе, какое бурное градостроительство ждёт её впереди!

Не столетиями, а с каждым годом меняется сейчас карта нашей Родины. Идесяти тысячам городов, которые насчитывались в Российской Федерации в первые годы Советской власти, прибавились сотни новых. А сколько их выросло в наших союзных республиках!..

В годы первой пятилетки вырос над Амуром город юности — КОМСОМЛЬСК. Картографы чертили на картах новые кружочки, писали новые названия: МАГНИТОГОРСК, ИШИМБАЙ, КУЗНЕЦК, СЛАНЦЫ. В 1933 году начал свою биографию город ГУБКИН. В сентябре 1947 года родился новый сибирский город АНГАРСК. В Татарии выросли САЛАВАТ и АЛЬМЕТЬЕВСК. На Дальнем Востоке — РАЙЧИХИНСК, НАХОДКА, БУРЕЯ.

* * *

Только два года прошло от XXI до XXII съезда КПСС, а как изменилась карта нашей Родины!

В лютый мороз по бездорожью пробирались в 1956 году изыскатели ледовой трассы с правого на левый берег Енисея. Следом за ними прошли комсомольцы, приехавшие на Север строить новый город — ДИВНОГОРСК. Тогда всё его население можно было пересчитать по пальцам. А сегодня это густо населённый центр, тесно связанный со строительством Красноярской ГЭС.

* * *

А не так уж далеко от Дивногорска строится город, у которого даже и имени ещё нет. Это строительство, ведущееся недалеко от Новосибирска, называется «АКАДЕМСТРОЙ». Здесь на берегу лесистого Обского моря, на площади в 1300 гектаров поднимает свои стены город учёных — новый научный центр Сибирского отделения Академии наук СССР.

* * *

В Хабаровском крае есть река Силинка. Не так давно геологи обнаружили на её берегах богатые запасы олова. За геологами пришли строители, и на месте одиноких палаток поднялись вверх могучие корпуса зданий. Новому таёжному городу дали имя — СОЛНЕЧНЫЙ.

* * *

Воюют строители с тайгой, но и заботятся о ней. Ведь тайга — не враг, а друг и товарищ. Вот и решили однажды комсомольцы создать в тайге огромное механизированное хозяйство по выращиванию недров. Совет Министров РСФСР выделил для этого участок в 71,4 тысячи гектаров. Так и появился сейчас в горном Алтае новый город — НЕДРОГРАД.

Рисунки Ю. Шабанова

* * *

А в Средней Азии, на берегу бурного Вахша, где сооружается Нуренская ГЭС, заложили строители новый город НУРЕК.

* * *

Всего за семилетие в Советском Союзе начнут свою жизнь свыше двухсот новых городов.

Фрунзенские коммунары

(Из записной книжки журналиста)

Есть в Ленинграде ребята, которые называют себя коммунарами.

Много я слышала об их добрых делах, о коммунарских сборах, которые проходят обычно в сельской местности. Захотелось побывать у них, посмотреть, как живут.

Нынешним летом коммунары Фрунзенского района города забрались далеко — в подшефный Ефимовский район, за двести километров от Ленинграда.

Мне предстояло ехать почти ночь поездом, потом на автобусе. Заполучив некоторые не совсем точные сведения о месте пребывания палаточного лагеря коммуны, я отправилась в путь...

Автобус тронулся. Кондуктор, молодая девушка, обходит пассажиров, получает за билеты. Доходит очередь до меня.

— Вам какой билет?

Я пожимаю плечами:

— Мне до мостика, за речку.

Девушка смеётся:

— Мостиков у нас много.

Пытаюсь объяснить:

— Здесь где-то по пути в Сомино палаточный лагерь ленинградских ребят.

Стоило мне произнести последние слова, как произошло совершенно неожиданное. За-

говорили все пассажиры автобуса. Женщина в пёстром платке уверяла, что ребята эти в Озерёве, старушка справа твердила, что видела их в Журавлёве. Девочка с последнего сиденья упрямо повторяла, что ленинградцы в Спиrove.

— Отряды бывают в разных деревнях, а главный лагерь в Спиrove, у школы, — объясняла она.

Кондуктор махнула рукой:

— Доедете, тогда и рассчитаетесь.

— Ты не беспокойся, гражданка, — повернулась с переднего сиденья пожилая женщина, — я скажу, где выходить...

Говорят, худая слава впереди человека бежит, а хорошая по следам идёт. Мы явно ехали по следам коммунаров, — уж очень тепло улыбались мои попутчики, когда говорили о коммуне.

Весь путь, пока автобус мчался по извилистой пыльной дороге, пассажиры смотрели в окна, боялись пропустить место, где мне надо будет сойти.

— Вот они, ваши палатки, — неожиданно громко сказал водитель и резко затормозил машину.

На открытой поляне горели костры — целый ряд. На рогатинах висели вёдра, кастрюли,

котелки. Возле дымящихся костров копошились ребята, чёрные от копоти и загара. Время было утреннее—готовился завтрак.

Спросила у одного из «индейцев»:

— Где ваше начальство?

Он мотнул головой в сторону деревянного двухэтажного здания:

— Видите, совещаются. Все командиры там.

Совещание, очевидно, было срочным: на плечах у ребят болтались полотенца, в руках они держали мыло, зубную пасту. Видно было: на ходу остановились, не дали даже добежать до палатки.

Говорили все сразу:

— Днепр пойдёт.

— Нет Волга.

— Алтай требует, чтобы послали его...

Непосвящённому человеку стало бы не по себе. С каких это пор Днепр не течёт, а идёт, и как это Алтай «требует». Но я была уже немного знакома с обычаями коммуны и знала, что «Днепр», «Волга», «Амур» — всё это названия отрядов.

Коммунары уверены, что так удобнее — географические названия звучат, как имена.

Спор между тем разгорался не на шутку. Да и вопрос решался не шуточный.

...Ночью ребята работали на колхозном поле. Почему ночью? Во-первых, потому, что так интересней, во-вторых, очень приятно доставлять людям радость по-тимуrowsки, сюрпризом. Такая ночная вылазка в коммуне называется «десантом».

Никто из колхозников долгое время не знал, кто те волшебники, которые выпололи заросшее картофельное поле, привели в порядок колхозный

клуб, за одну ночь построили спортивную площадку для ребят.

Коммунары народ скромный — не кичатся своими делами. Шагают себе отрядом и декламируют под шаг:

*Правда, но без громких фраз,
Красота, но без прикрас,
И добро не напояз, —
Вот что дорого у нас!*

...В это утро в лагерь прибыл председатель дальнего колхоза просить пионеров помочь на прополке.

О ночном «десанте» никто и словом не обмолвился. Раз нужно — значит нужно! Дежурный командир срочно созвал совет:

«Кого послать? Все устали, все не выспались...»

— Добровольцы есть? — спросил Саша Прутт и сам же поднял руку. Саша был командиром отряда «Алтай» и знал, что его ребята все, как один, пойдут по первому зову.

Подняли руки и другие

командиры и сразу заспорили, загорячились:

— Что мы, слабее «Алтая»?

Обижались именно те, кого не хотели брать.

— Всем надо отдохнуть, — вмешалась в спор Людмила Глебовна. Она стала убеждать ребят, что не могут они работать и ночь и день, что она сама объяснит председателю, в чём дело. Командиры не соглашались.

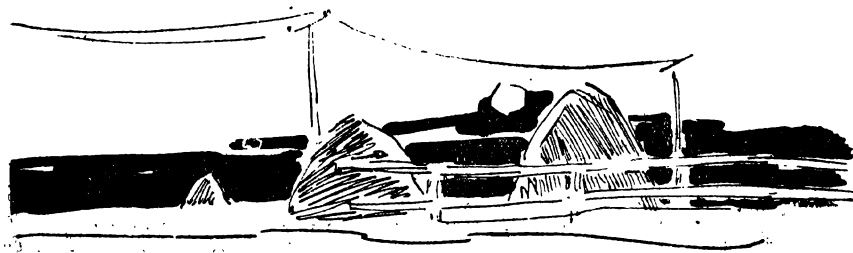
— Отказываться не по-коммунарски!

— Что о нас подумают?

Проголосовали — идти!

— Совещание закрыто! — объявил Саша Прутт.

...С Сашей я знакома давно. Он был боевым командиром красных следопытов, даже «Генкой-ординарцем». Часами просиживал в Публичной библиотеке, рылся в старых газетах. С сияющими глазами общал о какой-нибудь маленькой заметке, в которой рассказывалось о жизни пионеров первых лет советской власти.

Потом Саша искал и находил этих людей. Его всё интересовало: кто они теперь, каким был их жизненный путь?

Неожиданно «Генка-ординарец» бросил следопытскую работу, и это меня очень удивило. Встретив его в коммуне, спросила: почему?

Саша ответил просто:

— Много хорошего нашёл я в прошлом, но, оказывается, в настоящем его ещё больше!

...В полдень лагерь опустел. В дальнюю деревню на прополку ушли два отряда — «Алтай» и «Днепр». «Волга» собралась в Журавлёво заканчивать оборудование клуба. Остались только костровые и дежурные повара. Но они были очень заняты. Костровые рубили сучья, повара мешали кашу, перемывали компот. Было неудобно отрывать их от дела разговорами. Я добрела до речки и увидела мальчика. Он сидел, как-то безразлично и уныло ковыряя палкой песок. Попыталась заговорить — молчит. С трудом выжала несколько фраз... Ребята его не взяли с собой на работу в колхоз. Только непонятно было: за что?

...Вечером, когда все вновь собрались в лагере, на поляне

возле рощи зажёгся «огонёк». Ребята потянулись к нему.

Этот огонёк тоже имеет свою историю. Сначала возле небольшого костра собирались просто так — попеть, поговорить о завтрашнем дне. С каждым новым коммунарским сбором огонёк приобретал новое значение. На «огоньке» затевались диспуты о человеческих качествах, о науке, о коммунизме. Обсуждали поступки товарищей, судили их черты характера, поведение...

В тот вечер было всё — и песня, и диспут, и разговор о товарище. Догорали последние сучья, погасла песня, а ребята не расходились.

— Надо поговорить, — сказал всё тот же дежурный Саша.

— Может быть, завтра? — предложила Людмила Глебовна и посмотрела на часы.

— Надо сегодня поговорить, сейчас! — зашумели ребята.

— Значит, что-то серьёзное, — шепнула мне Людмила Глебовна.

...Случилось это прошлой ночью, когда готовились к «десанту» по прополке картофеля. Как всегда, добровольцами оказались все. Только один Валерий, тот самый мальчик,

которого я встретила у реки, не тронулся тогда с места.

Никто ему ни слова не сказал. Добровольцы есть добровольцы. Насильно не тащить — таков закон коммунаров.

Но и оставаться одному Валерию было скучно.

— Ребята, кто останется со мной? — крикнул он неожиданно.

Это уже было совсем не коммунарски: сам не шёл и других сманивал.

Ребята нахмурились. Никто не отозвался на призыв Валерика.

Только Юра Виноградов попросил у него плащ:

— Ты всё равно остаёшься, а мы можем попасть под дождь.

Валерий молчал и плаща не давал. А когда все молча вышли из палатки, он вдруг огляделся, поёжился и поспешно побежал следом. Видно, просто струсил, когда почувствовал молчаливое осуждение товарищей.

— Можешь не ходить, — крикнул кто-то, заметив тёмную фигуру в стороне от всех.

— Не надо нам твоего одолжения.

— И плащ оставь себе, обойдёмся.

Валерий потоптался на месте и совершенно убитый повернул обратно.

По обычаям коммуны, каждый поступок, который противоречит облику коммунара, обсуждается на общем собрании, причём выступить, сказать своё мнение обязан каждый пионер. Так и говорили — по кругу.

Вспомнили всё, что не нравилось в Валерии. Судили строго, чересчур строго. Называли его трусом, лжецом. Требовали исключения из коммуны, не хотели оставаться с ним вместе ни одного дня.

«Уйдёт от них Валерий с глубокой обидой, — думала я, — и никогда не вернётся, а может и совсем сбиться с доброго пути».

«А если простят, — тут же возражала я себе, — так и будет искать лёгкой жизни».

Когда все улеглись спать, я снова увидела Валерика. Он стоял у плетня и горько плакал. Большой, рослый детина плакал. Он не хотел уходить из коммуны. Его освобождали от трудной жизни, от необходимости спать в палатке, готовить обед на костре, ходить по десять-пятнадцать километров в дождь и слякоть... Но он уже не хотел этой свободы.

— Страдал бы не на виду у всех... — слышался в темноте насмешливый мальчишеский голос.

Да, непримиримы коммунары ни к какой слабости. Есть у них и на этот счёт речёвка:

*Даём бой дряни любой,
Дряни любой даём бой.
Своими руками, своими ногами,
Своей головой...*

На следующий день вспыхнул спор: правильно ли исключать из коммуны. Спорили потому, что «Днепр», наперекор всем установившимся обычаям, взял к себе в отряд исключённого.

— Не бывало ещё такого, — кипятились «алтайцы», — одни исключают, а другие берут.

— Не бывало, так будет, — шумел Юра, самый маленький «днепровец».

— Вы исключите, мы не возьмём, кто же воспитывать будет?

До хрипоты спорили ребята, а вечером на огоньке решили:

«Больше из коммуны не исключать. Исключают только слабые».

..Вот и вся запись об одном коммунарском дне. Впрочем, не вся. Я уже торопилась в обратный путь, когда встретила на мостике незнакомых мальчиков и девочек. На них не было коммунарских пилюток, но ребята шли строем и пели любимую песню коммунаров «Октябрёнок».

Спросила:

— Что за отряд?

Хором ответили:

— «Днепрёнок»!

Уже на шоссе меня догнала маленькая девочка.

— А я вас знаю, — сказала она. — Мы с вами в автобусе встретились. Помните? Приезжайте к нам в деревню Журавлёво. У нас теперь тоже есть отряд — «Волжонок».

«Днепрёнок», «Волжонок»... Ну да... Мне рассказывали о сводных отрядах сельских ребят. Они появились во всех деревнях, где побывали ленинградцы.

И вспомнилась мне ещё одна поговорка коммунаров:

*Лишь тот зовётся коммунаром,
Кто времени не тратит даром
И за собой ведёт ребят.*

Даём пионерское слово

Музыка В. Витлина

Слова Д. Дружина

Умеренно

1 Костром пио.

нерским пыла — ет зоря над ю — мою нашей стра.

ной, и ю — ность мечтает поднять я ко

ря и выйти на подвиг, и выйти на подвиг любой. Кля.

нем. ся! Пионерское сло — во да — ем мы

[illegible]

1.

Костром пионерским пылает заря
Над юною нашей страной,
И юность мечтает поднять якоря
И выйти на подвиг любой.

ПРИПЕВ:

Клянёмся!
Пионерское слово
Даём мы Отчизне труда:
Готовы на подвиг!
Готовы на подвиг!
Готовы сердца молодые всегда!

2.

Нас ждут на заводах и ждут на полях
И звёзды в дорогу зовут.
Ты с нами — помощник на дерзких путях,
Товарищ по имени труд.

ПРИПЕВ.

3.

Нам партия Ленина крылья дала,
К мечтам устремила вперёд.
Мы знаем — придут к нам
большие дела
И счастье большое придёт.

ПРИПЕВ.

Вот тебе и бабушка...

ПРОСТО удивительно, до чего же взрослые люди бывают непонятливыми. Сами они заняты кучей интереснейших дел: водят троллейбусы, делают настоящие телевизоры, тушат пожары, уезжают на целину. Да мало ли! А если человеку не больше двенадцати лет, выходит, он должен только внимательно слушать на уроке и аккуратно выполнять домашние задания? Только и слышишь: почему озорничаешь, почему порвал рубашку, почему болтаешься на улице? Почему, почему... Да ни почему! Может быть, человеку просто неинтересно жить. Может быть, он не знает, чем ему заняться.

Ну, сходил в школу. Ну, уроки сделал. Книжку какую-нибудь почитал. А где же самое главное — острые ощущения? Без этих ощущений скиснет самый замечательный парень. Без них люди станут ползать по земле как сонные мухи.

Настоящая жизнь — это борьба. Самые известные, самые уважаемые люди всегда боролись. Например, Чапаев боролся за советскую власть, Спартак — за свободу, Ботвинник — за лавровый венок, Гагарин и Титов — за космос, футболисты — за кубок. Конечно, забраться на

высокое дерево, сорвать на чужой клумбе симпатичный цветок или поплавать по озеру на самодельном плоту — это ещё не борьба, это ещё далеко до космоса. Может быть, это и называется на языке взрослых озорством, но осудить человека легче всего. А вот взять его в космос или определить в футбольную команду, конечно, потруднее.

Помощь пришла к нам неожиданно и с самой что ни на есть невероятной стороны. Дело, конечно, не в Гагарине и не в Титове. Потому что они ещё к нам в Озерки не приезжали. Всё дело в тёте Вере.

Каждый сознательный мальчишка знает, что девочки ничего не понимают в футболе. Тем более — мамы. А о бабушках даже говорить нечего. Тётя Вера уже бабушка. Ей шестьдесят лет или ещё больше. И вот она однажды сказала, что нам надо организовать свою футбольную команду! Наши мальчишки так растерялись, что и слова вымолвить не могли. Это, может, тётя Вера организует из нас команду? А если она даже не знает, что такое гол, аут и центр нападения? А если ни у кого из нас нет не толь-

ко бутс, но даже самого паршивого футбольного мяча?

Но тётя Вера сказала, что мы не хуже других ленинградских ребят, которые уже давно организовали свои дворовые футбольные команды, и нам ничего не стоит попробовать сыграть с ними.

Откровенно говоря, мы это дело всерьёз не приняли. Конечно, тётю Веру многие ребята уважают — она и в 98-й школе и при жилконторе ведёт кружок «Умелые руки», где занимаются некоторые мальчишки и девчонки. Они делают всякие там штуки из бумаги — цветы, маски, ещё чего-то, клеят, режут, красят. Но ведь умелые руки — это ещё не умелые ноги. А футболисту руками работать вовсе не полагается, даже ни в коем случае.

Нам как-то даже неудобно было говорить с тётей Ве-

рой о футболе. Она женщина пожилая, и ей никогда нипочём не забить ни одного гола. Есть ещё вторая бабушка, тётя Анна Косынкина. Она тоже с тётей Верой заодно. Но у неё же болят ноги, на голове платочек, у подбородка подвязан, а на носу — очки. Да нам с такими тренерами на первом же матче не меньше ста мячей в ворота накидают!

Но тётя Вера и тётя Аня взялись за нас всерьёз. Они нас почти что брали за руки и вели на наше самодельное футбольное поле. Они так извели начальника нашей жилконторы Байбакова своими разговорами, упрёками и разными уговорами, что он дал деньги на всякое футбольное и другое спортивное оборудование.

Я сам видел, честное слово, как тётя Аня плакала,

когда какая-нибудь команда не выходила на тренировку. И ребятам становилось неудобно, что из-за футболистов плачет хороший человек, который хоть и не отличается штрафной площадки от штанги, но всё-таки хочет, чтобы мы обязательно сыграли предстоящую встречу.

Встречу-то мы, конечно, продули. Но не в этом дело! Мы выставили от Озерков четыре футбольные команды, более или менее умеющие обращаться с футбольным мячом и получившие свои настоящие спортивные имена. Мы эти названия перед самыми матчами придумали: «Орловец» и «Озерковец» по названию улиц, а «Стрела» и «Ракета» по желанию игроков.

Мы такие злые домой вернулись, что на тренировки теперь нашим тётям Вере и Анне загонять нас не приходилось. Тем более и тренер у нас появился — тётя Вера отыскала и привела к нам настоящего спортсмена. Через некоторое время мы уже играли с детской спортивной школой нашего Выборгского района — и выиграли.

Нечего и говорить, как радовались и гордились ребята. Но, наверное, больше всех — тётя Вера. Глядя на неё, все так и думали, что она сама забила мячи в ворота наших противников. Идёт счастливый человек, да и только!

Да разве один футбол организовала у нас тётя Вера!..

А секцию плавания? Это было тоже замечательное дело. Озёра наши на всю Ленинградскую область славятся, а спросите, все ли ребята в Озерках умеют плавать, особенно девчонки? А если даже кто и умеет, так ведь не по-настоящему, не стилем. Кто по-собачьи, а кто — сажёнками.

Когда Нина Василевская пришла первый раз на занятия в нашу секцию плавания, она так визжала, что мы чуть не оглохли, — боялась влезть в воду. Хоть связывай и тащи на верёвке в озеро. А сейчас она считается у нас лучшей пловчихой. И Наташа Павлова боялась, и Ира Панова. Теперь за ними не всякий наш мальчишка угонится.

После таких событий в нашей жизни мы уже почти перестали удивляться хорошим новостям. Мы просто не знали, как успеть везде. Учились грести, переговариваться флажками, лазать по канату, вязать морские узлы — это тётя Вера предложила нам сдавать нормы на значок «Юный моряк». И очень многие ребята сдали. Теперь у нас на озере своя спасательная служба: как бы не увлёкся кто первыми успехами и не заплыл слишком далеко.

Да что я всё о нас и о нас? Расхвастался. У нас теперь столько дела, что некогда даже долго об этом рассказывать. Лучше про тётю Веру.

Мы с ней очень часто ездили на разные экскурсии и прогулки, а один раз были даже в радиокомитете. И вот там-то это всё и случилось. Для нас включили плёнку какой-то прошлой радиопередачи, и мы вдруг узнали, что наша тётя Вера...

Она была тогда ещё просто Вера, девчонка. Ей было только тринадцать лет, когда она поступила работать на табачную фабрику. Она не училась в школе, не сидела на уроках, не делала домашних заданий. У неё не было даже места дома, где она могла бы делать уроки. Их семья снимала угол в комнате вместе с другими такими же бедными рабочими семьями.

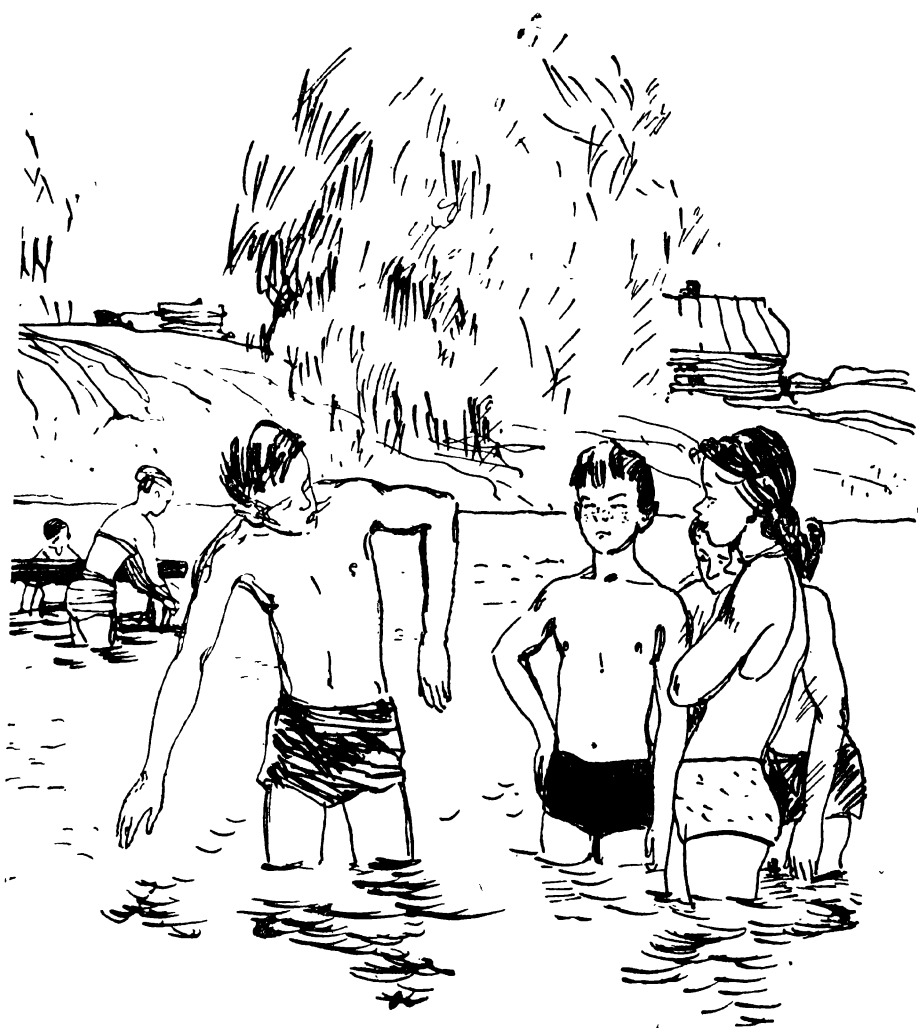
Вера работала на фабрике с 7 утра до 7 часов вечера. Она стояла у машины, которая набивала гильзы таба-

ком, а рядом с машиной сидела кукла: нет-нет да и возьмёт её на руки в свободную минуту фабричная девчонка...

Гильзы, гильзы, сотни, тысячи, десятки тысяч гильз, табачная пыль, тонкая, мелкая, щекочущая. День за днём, год за годом. До тех пор, пока на фабрике не появились люди, которых называли большевиками и которые призывали рабочих записываться в Красную гвардию.

Вера Силкина-Филиппова записалась санитаркой. Ей выдали шинель, сапоги и винтовку, научили оказывать первую помощь раненым, стрелять и ходить в строю. А 25 октября 1917 года их отряд вместе с другими пошёл штурмовать Зимний дворец. Вере не удалось, правда, стрелять в юнкеров и

арестовывать министров Временного правительства, но она оказывала помощь раненым и была готова по первому приказу кинуться в атаку.

В 1918 году отряд ушёл на фронт под Петроград — драться с Юденичем. Вместе с отрядом ушла Вера.

Трудное время настало для Советской России. Врагов у неё было много, они лезли со всех сторон, а вот хлеба в городах было мало.

В Оренбургских степях пропадала на корню пшеница: некому было её убирать, да и боялись белобандитов. Тут нужны были добровольцы — люди смелые, отважные. Среди них оказалась и Вера Ивановна Силкина-Филиппова.

Зерно грузили в вагоны, на вагонах писали: «Рабочим Петрограда», «Рабочим Москвы». Белобандиты налетали на безоружных людей, убивавших поля, и стреляли в

них, чтобы не шли на запад такие эшелоны. В один из налётов Веру Ивановну ранили. Она попала в госпиталь.

А когда поправилась, осталась в госпитале работать. Раненых было много, сыпной тиф косил людей, санитарки были очень нужны.

Когда в 1924 году Вера Ивановна решила вступить в Коммунистическую партию, на партийном собрании о ней сказали:

— Чего ж обсуждать такую кандидатуру. Вся её жизнь — рекомендация в партию.

Прошли годы.

Теперь пора бы отдохнуть. А Вера Ивановна решила, что ей нужно обязательно помочь озерковским мальчишкам и девчонкам заняться интересными делами.

Вот так мы с нею и подружились.

...Просто удивительно, до чего же взрослые и даже пожилые люди бывают хорошими, понимающими, или, как у нас говорят, — своими. Тётя Вера понимает всё. И это очень здорово.

А папа мой сказал:

— Чего ты удивляешься? Она же — коммунистка.

*

В. Крутецкий

П А Р Т И И

С высоты наших дней я
в былое смотрю.
И гремит моё сердце, гремит
от накала.
Сколько отдано жизней
за правду твою,
Сколько, Партия, ты испытала!
Вот метнулся огонь —
Всем сердцам горячо.
Пошатнулся Ильич,
Ухватясь за плечо.
Вот закат над страной
От крови багрян, —
Пал на чёрный песок
Вниз лицом Шаумян.
Вот таёжную тишь
Расколело грозой —
Это в топке взорвалось
Сердце Лазо.
Да, нелёгко твой путь на
подъёмах крутых,
В жилах кровь от натуги
клокочет.

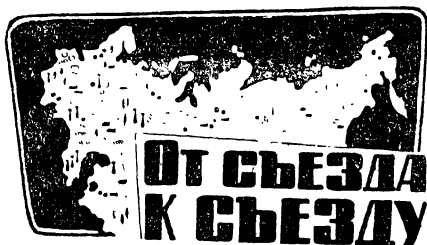
Но, к мечте пробиваясь,
прославилась ты
Не отвагой борцов-одиночек.

Вот алеют снега
У Вороньей горы —
Батальон коммунистов
Пошёл на прорыв.
Вот пошли миллионы
Дорогой побед.
И у многих над сердцем
Партийный билет.
Шар земной из огня
Ими вынесен был.
Это мир не забыл,
Это мир не забыл.

И сегодня горят над страной
маяки,

Над разливом хлебов,
Над просторами строек, —
То к мечте Ильича, ускоряя
шаги,

Ты ведёшь наш народ за собою!

Мировые рекорды советской техники

ДВИГАТЕЛЬ-СИЛАЧ

В мартеновской печи металлургического завода сварили очередную «порцию» стали. Порция, прямо скажем, богатырская. Такие «брусочки» трудноვა-то перевозить по железной дороге.

Поэтому на том же металлургическом заводе «брусон» попадает в прокатный цех на мощную машину — блюминг. Два валика захватывают много-тонный раскалённый «кубик» и прокатывают его, сжимая с двух сторон. Потом обратно. Потом снова вперёд. И так до тех пор, пока брусон не станет потоньше. Тогда его можно разрезать на кусочки, как раскатанное тесто.

Какая же сила должна быть у этих валиков, если они с легкостью катают стальную глыбу! А ведь постоянная перемена «курса» создаёт лишние трудности.

Представьте себе, что «Москвич» совершает такую необычную поездку: с места берёт разгон, но че-

рез 4 секунды тормозит и даёт задний ход. Через четыре секунды — снова вперёд и так 15 рейсов в минуту!

Вот так валки блюминга катают стальные кубики, которые во много раз тяжелее «Москвича»! Это громадная нагрузка для двигателя. Обычному двигателю переменного тока с такой работой вообще не справиться: у него нет нужной маневренности, «поворотливости». Дело нужно поручить постоянному току — более подходящему для этой цели.

Работники ленинградского завода «Электросила» разрешили все трудности. Прокатные двигатели, которые они сейчас создают, — чемпионы мира по мощности. Один из них уже работает на металлургическом заводе в г. Днепро-дзержинске, ещё один будет послан на Нижнетагильский металлургический комбинат.

ГИГАНТСКИЙ ПЫЛЕСОС

Турбореактивный красавец-самолёт набирает скорость, готовясь оторваться от Земли. Мощная турбина с шумом засасывает воздух, чтобы с громадной силой вытолкнуть его с другой стороны.

Но вместе с воздухом в двигатель попадает мелкая пыль и даже крупный мусор. Самолёт, словно неразборчивое животное, может «проглотить» гвоздь или гайку, и тогда плохо придётся лопаткам турбины!..

Чтобы этого не случилось, взлётные и посадоч-

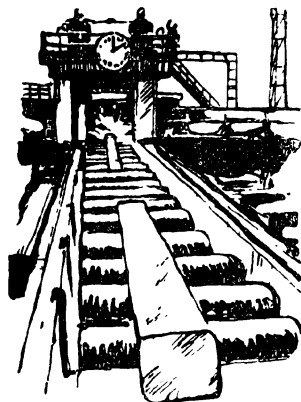
ные площадки надо тщательно убирать. Нелёгкая задача! Ведь аэродром — не двор, метлой его не скоро подметёшь. А самолётам ждать некогда...

Работники Ленинградского института дорожного и транспортного машиностроения придумали интересную машину для уборки больших площадей. Устроена она нехитро, как обычные пылесосы, а вот мощность у неё удивительная. Такого большого пылесоса ещё не бывало. За один час он очищает 25 тысяч кубометров воздуха, проходит 10—15 километров. Это пять Невских проспектов, от Адмиралтейства до Московского вокзала!

Если вы случайно уроните перед таким пылесосом содержимое вашего портфеля, — попрощайтесь с ним: самые толстые учебники, ваш бутерброд, спортивные тапочки, — всё, как пушинки, исчезнет у него в «пасти». Пройдёт пылесос через лужу — и словно не было лужи!

Возит эту громадину 25-тонный «МАЗ».

Ровесник сказочного города

Когда Таиру исполнилось девять лет, отец в первый раз взял его с собой на рыбалку. Был сухой ветреный день, такой обычный для Апшерона. С лодки берег казался задёрнутым марлевой кисей — это белая пыль повисла над новостройками Сумгаита.

Отец долго вглядывался в берег, потом тронул Таира за плечо:

— Послушай, сынок, сказку...

Было это давно. Тогда ещё на Орлиной горе шумел сосновый лес, а Каспий плескался там, где сейчас городской парк...

В тот год покорила Азербайджан пришедший издалека старый полководец. Был он одноглаз, лицом смугл, как печёный каштан, зол и хитёр, что степная лисица. Когда полководец вышел к морю, чуть севернее Баку, он долго смотрел на синий Каспий, потом крикнул гортанно, будто пролаял:

«Строить здесь!»

И вот со всех покорённых стран слуги кривого завоевателя погнали к морю тысячи мужчин. Люди лишились родины и семьи и, чтобы вернуть потерянное, должны были построить для пропавшего дымом кочевника прекрасный город у берега моря. Из Армении привезли на Апшерон розовый туф, откуда-то с севера голубоватый с прожилками мрамор, чёрный шершавый гранит. И стал на глазах вырастать город.

Прошёл год, второй, третий. Всё было готово. Город ждал своего хозяина. Но не приходил на Апшерон одноглазый полководец. Потом уже долетела сюда весть: погиб он в стране, где всегда холодно, как на вершине горы. И слуги его сказали строителям и зодчим:

Ещё недавно здесь была лишь рыжая степь. Но растёт Таир, растёт и его ровесник — Сумгаит.

«Кто хочет, селитесь в новом городе!»

Отец помолчал, всматриваясь в красные поплавки удочек. Он словно раздумывал над чем-то очень серьёзным.

— Но разве станет человек жить в городе, который строил без радости? Разве забудет он кнут надсмотрщика? Конечно, нет! И строители один за другим покинули ненавистный им берег, разошлись по родным местам. А Каспий только того и ждал. Увидев, что обезлюдел город, нахлынул на него, захватил в свои владения...

Отец умолк. Волны покачивали лодку, по воде взапуски бежали солнечные блики.

— А как назывался этот город? — спросил Таир.

— Сумгаит... — усмехнулся отец.

— Сумгаит? — Таир был удивлён не на шутку. — Но ведь ты, папа, всегда говорил мне, что я родился в Сумгаите. И даже в тот самый день, когда был заложен первый камень города.

— Верно, — кивнул отец. — Но только в другом Сумгаите... Совсем из другой сказки...

Сказки, легенды! Да разве станешь задумываться над ними, когда тебе десять лет, когда твои

колени не заживают от одного футбольного поединка до другого, а за городом на горе, похожей на громадный коренной зуб, вьют гнёзда настоящие, а совсем не сказочные орлы...

На Орлиную гору сумгаитские мальчишки всегда ходили большой шумной ватагой. Вначале их путь тянулся по пустынным пляжам, потом сворачивал на узкую тропу к поросшим виноградниками террасам. Здесь был первый привал. Сумгаит, окутанный белёсой дымкой, лежал справа внизу, как на ладони.

— Смотрите, вон трубопрокатный дымит, — начинал привычную игру остроносый, вечно шелушащийся от загара Кямил Сабитов.

— А вон алюминиевый! — подхватывал кто-нибудь из ребят.

— А ТЭЦ видите?

— А центральную площадь?

Потом начиналось узнавание самых непримечательных, с точки зрения взрослых, уголков города: от отдельных улочек до дворов и скверов. Вспоминали наперебой, какое когда строилось здание. Завод сборного железобетона мальчишки пренебрежительно называли между собой «шке-том» — он был младше их на добрых шесть-семь лет, а о трубо-

прокатном говорили с завистью, как о старшем.

В такие минуты Таир отворачивался в сторону. Вся прелесть игры в «отгадывание» пропадала для него. Он плохо различал с этой высоты даже сами очертания Сумгаита.

И что обидней вдвойне — Таир знал Сумгаит ничуть не хуже своих сверстников! Ведь он рос вместе с этим бегущим к морю городом.

Быстрой застраивайся, Сумгаит! Мы помогаем тебе!

Когда Таир был совсем маленьким, его отец работал на новостройках Сумгаитской улицы. Чтобы проведать отца, надо было пройти путь чуть больше квартала. Но Таиру казалось, что дорога к новостройке не имеет конца... Отец смеялся, прижимая сына к пахнущему сырой известью комбинезону:

— Погоди, вырастешь! Сделал шаг — и у меня в гостях!

Таир подрос, но удивительная штука — дорога к отцу от этого не становилось для него короче. Новостройки словно убегали от мальчишки к морю. Идти приходилось всё дальше...

И так — всегда! Третьеклассником сажал Таир акацию и тамариск на внутренних площадках 4-го квартала. Тогда считалось — озеленяется окраина. А через год — 4-й квартал оказался уже в центре города! Не стоится Сумгаиту на месте!

Но зато как приятно рассказывать приезжим, что на месте улицы Пушкина ещё недавно был заросший бурым кустарником пустырь, а там, где сейчас в 3-м квартале раскинулась центральная площадь, возвышался лысый, выжженный солнцем холм...

И всё-таки именно здесь, на Орлиной горе, произошёл случай, после которого Таир надолго завладел симпатиями сумгаитских мальчишек. Как оказалось, для этого совсем не обязательно было иметь острое зрение.

Виновником происшествия был Рафик Агаев, толстый, неповоротливый карапуз из 9-го квартала. Несмотря на внешнюю солидность, Рафик всегда отличался непоседливостью и неуёмным любопытством. Иначе зачем бы взбрело ему в голову заглядывать в орлиное гнездо, да ещё в тот самый момент, когда все ребята уже двинулись вниз, к морю?

— Кыш... Кыш! — неожиданно донеслось сверху.

Ребята насторожились. Подняли головы. Небольшой серый орёл,

Когда-нибудь Таир сменит маленький паровозик детской железной дороги на настоящий силач-локомотив. Ведь он мечтает стать машинистом.

распластав крылья, планировал над гнездом. А Рафик? Что он делает, этот толстяк? Вместо того чтобы подобру-поздорову скрыться за скалой, он, растерявшись, машет на орла курткой и всё. «кыш» да «кыш», будто и не орёл перед ним, а курица в огороде.

— Ох, сейчас он его... — испуганно выдохнул Кямил.

Но Таир уже не слышал этого. Обдирая о камни локти, он что есть сил карабкался на подмогу Рафику.

— Скорей вниз! — срывающим-ся от волнения голосом крикнул Таир. — Слышишь, Рафик, давай руку!

Орёл, совершив очередной круг, камнем упал на гнездо. Его, как видно, не на шутку рассердил этот толстый, нелепо размахивающий курткой мальчишка.

Но в тот самый момент, когда хищные когти птицы готовы были вцепиться в незваного гостя, Таир обхватил Рафика за плечи и, спотыкаясь о камни, ринулся вниз...

Потом ребята сидели на корневых ветках старой, каким-то чудом прицепившейся к скалам сухой сосны. Рафик всхлипывал. Таир то и дело прикладывал к губам рассаженную ладонь.

— И всегда с тобой, Рафик, какая-нибудь история приключится! — бурчал Кямил. — Если б не Таир, показал бы тебе орёла, из какого он курятника.

Нет для мальчишек высшего авторитета, чем смелость товарища. После происшествия на Орлиной горе так уж повелось: куда Таир — туда и ребята. Когда в Сумгаите построили Дом пионеров, Таир чуть не первым записался в кружок морского моделизма. И все друзья Таира, словно сговорившись, принялись мастерить яхты и катера. Пошёл Таир работать на детскую железную дорогу — и ребята за ним.

Что играет Таир? Может быть пионерский марш, а может быть, новую песенку о сказочном городе...

В горы — вместе, в море — вместе, в поход — одним строем.

Но однажды Таир обратился к своим друзьям с совсем необычным предложением. Нет, на этот раз он не звал мальчишек искупаться в прибой, не приглашал их удить рыбу на Джейран-Батан, не подбивал «махнуть» на электричке в Баку. Встретив как-то на пляже Рафика и Кямила, Таир без всяких обиняков выпалил:

— Нужен осёл!

Кямил даже покраснел от натуги, воображая, к чему бы это Таиру понадобился длинноухий упрямец. А любопытный Рафик тут же ухитрился задать столько вопросов, что ответить на них пришлось бы до захода солнца.

Осла пообещал достать Славка Бабамирзаев. Славка жил за городом, во временном бараке у насосной станции. А Славкин дед ещё дальше, в прибрежном ауле. Осёл принадлежал деду.

— Только не знаю, даст ли он тебе осла... — с сомнением пожал плечами Славка.

Но Таир уже ничего не хотел слушать:

— Даст! Обязательно даст!

А Славкин дед между тем и впрямь оказался крепким орешком. Ухватив в пятерню жидкую бородёнку, он присел перед ребятами на корточки и спросил удивлённо, совсем как Рафик:

— Зачем?

Таир, как видно, уже был готов к подобной атаке. Вынув из кармана сложенную газету, он прочитал громко:

— «В 1961 году в Сумгаите войдёт в действие троллейбусная линия...»

— Ну и что? — сощурил глаза дед.

— А то, — подступил к нему Таир, — что первый троллейбус будет наш, пионерский. Троллейбус ровесников города!

— Но при чём здесь осёл?
Вот тут-то и изложил Таир свой план. Да так красочно, что дед только головой качал:

— Хорошо, Таир! Хорошо!

А в воскресенье по сумгаитским улицам из конца в конец города двигалось необыкновенное шествие.

Впереди бодро переставлял ноги поджарый ослик. На нём, уперев руки в бока, лихо восседал Рафик. Сзади, на почтительном расстоянии, шла целая ватага ребят, вооружённая тачками и фанерными волокушами. Большие чёрные буквы на белом транспаранте зывали:

*Сдавайте нам металлолом!
Троллейбус нужен всем!
Довольно двигаться пешком
И ездить на осле!*

Правда, в Сумгаите на ослах уже давно никто не ездил, но сам вид процессии был настолько забавен и необычен, что всякий раз, когда она останавливалась в том или ином дворе, от желающих сдать ребятам старую кровать или проржавевшее ведро не было отбоя.

Для Таира этот день был настоящим праздником. Сегодня он как-то по-особому смотрел на новенькие светло-жёлтые дома по улице Низами, на стрельчатые ансамбли Приморского бульвара, на краны, что, словно гигантские всадники, съехались к новостройкам 18-го квартала. Таир знал: сегодня он сам помогает своему ровеснику стать ещё краше.

К вечеру на площадке перед Домом пионеров из собранного металлолома выросла гора. Решение пионерского штаба было кратким: «Инициативу Таира Шейхатдинова одобрить. Осла принять на вооружение».

Я ЦЕЛЫЙ день бродил с Таиром по Сумгаиту.

А потом было море и раскалён-

Ох, не хочется Вагису уходить с улицы домой!

ный от жаркого, апшеронского солнца пляж. Усталые, мы лежали на песке и молча глядели в небо. И вдруг Таир приподнялся на локте:

— Вы знаете сказку о Сумгаите?

— Про одноглазого полководца? — вяло поинтересовался я.

— Нет! — заволновался Таир. — Совсем не то! Другую сказку... В ней живут только добрые герои. Мой отец, каменщики, сталевары, Рафик, Кямил, старик с осликом. Не знаете? Конечно не знаете... Ведь её ещё нет. Я сам сочиню эту сказку. Сказку о моём ровеснике, новом Сумгаите.

ОДНАЖДЫ утром Максим Воронов, изрядно подвыпив у своих приятелей-полицаяв, заявился на завод. Не найдя Николая Александровича в управлении, он направился к конюшням и здесь встретил Юту.

— А-аа! Маленькая хозяйка! — насмешливо протянул он, — Николая Александровича не видела?

— Дедушка в городе.

— Ну и отлично! Значит, мне покажешь лошадей ты!

— Почему я должна показывать вам лошадей?

— Да потому, что мне майор приказал проверить и доложить. Ясно?

— Дедушка придёт, тогда...

— А я не желаю ждать вашего дедушку. Ясно? — повысил голос Максим.

Подошли рабочие.

— Вот он хочет проверить лошадей, — обратилась Юта к ним.

— Ну что ж, — сказал Павел Петрович, — хочет — пусть

проверяет... Пошли, мы покажем.

Максим недовольно пробубнил что-то себе под нос и поплёлся за рабочими. К первому стойлу он подошёл покачиваясь, нацепив на нос очки.

— Тэк-с... Перед нами некоторым образом конь... — произнёс Максим, выпятив вперёд жирное брюхо. — Одним словом: лошадь. Сейчас мы посмотрим...

Рабочие стояли поодаль, глядели на Максима исподлобья и усмехались.

— «Волна», — прочитал Максим на табличке, прибитой к стойлу. — Ха-ха... Волна. — Он проделал ладонью волнообразные движения в воздухе и, не ожидая развеселившись, фальшиво пропел: «И за борт её бросает в набежавшую волну»... — Максим снова поднял глаза на табличку: «Масть — вороная»... Вороная... Одним словом — чёрная... «Чёрный ворон, я не твой»... «Кобылица»... Ясно. «Возраст — 3 года»... Ха-ха... Совсем младенец. Нет, младенец-ха... Три-

жды ха-ха... А такая большая дура.

— Она не дура! — сказала Юта.

— Пусть будет по-твоему: не дура. Лошадка-пайныка...

Юта сложила губы в презрительную улыбку.

Следующей лошастью Максим подробно не интересовался: подошёл к стойлу, прочитал вслух табличку и зашагал дальше. А потом и таблички стал читать не все: лошадь на месте — всё в порядке...

Рабочие следовали за ним. У Павла Петровича полегчало на сердце: если Максим будет так торопиться, то подмены Орлика не заметит.

Однако перед стойлом Орлика, последним в конюшне, Максим вдруг остановился, упёрся долгим взглядом в табличку, потом перевёл взгляд на помахивающую хвостом кобылицу. Павлу Петровичу показалось, будто Максим слишком внимательно и как-то подозрительно смотрит на лошадь. Он и Юта тревожно переглянулись.

— Гнедой... — наконец проронил Максим и повернулся к рабочим. — Сивка... Бурка... А тут гнедой. Что такое гнедой?

— Вот гнедой! — торопливо сказала Юта и кивнула в сторону серой кобылицы. — Бывают ещё каурые...

— Каурые? — переспросил Максим. — Хм... Каурые... Не видел.

— Этакие рыжеватые, — пояснила Юта.

— Ах, рыжеватые?! Тогда видел. — Максим снял очки,

сунул их в карман, потом быстро, не оглядываясь, пошёл к дверям. Юта показала ему за спиной фигу.

На пороге он обернулся:

— До свидания. Дня через два приедет сам проверять. Вместе с ветеринаром.

Максим ушёл.

Павел Петрович подумал, что Орлика надо завтра же возвратить на место, иначе будет худо.

УТРОМ Юта собиралась в путь.

Ей нужно было дойти до озера Длинного, в районе которого расположился партизанский отряд дяди Васи, и через местного рыбака Архипыча получить от партизан Орлика. А до озера было километров двадцать.

Взглянув в окно, Тамара Васильевна недовольно покачала головой:

— Небо хмурится. Не задожило бы... Достаешь-ка, Ютик, свою кофту. Где она у тебя? Да платок возьми.

— Жарко будет, тётя, Тамара, — начала было противиться Юта.

— Доставай, доставай! Простудишься, потом возись с тобой! — потребовала Тамара Васильевна.

Перед дорогой посидели полминутки молча.

...Прошла Юта половину дороги, и захотелось ей отдохнуть да поесть пирожков, что напекла утром тётя Тамара и положила в маленькую берестяную корзиночку.

Солнце недавно выглянуло

из-за туч, разорвало их и так припекает...

Свернула она с дороги в безрезнячок, за которым виднелись травянистые холмы, сняла кофту и села в тени... Пирожки были вкусные, душистые...

Отдохнула Юта. Поднялась. Взяла кофту и случайно сунула руку в карман. Нашупала что-то шелковистое. Вынула из кармана, да так и ахнула. Это был её пионерский гал-

стук. Кумачовый, почти новенький, купленный мамой накануне отъезда к Тамаре Васильевне. Юта бережно развернула галстук, разгладила его, примерила и даже потёрлась о него щекой.

И вспомнился ей Ленинград, школа на Васильевском острове, пионерская линейка в длинном светлом коридоре, а ещё костёр в Мельничном Ручье, на берегу тихого озера, с песнями, плясками... На душе

было тоскливо и в то же время сладко... Где-то вы сейчас, подружки?..

В воспоминаниях дорога прошла незаметно. Когда солнце поднялось совсем высоко, из-за леса неожиданно показалось голубое озеро, по берегу которого далеко протянулась большая деревня.

В деревне Юте пришлось задержаться часа на три, пока Архипыч, оказавшийся к изумлению Юты пятнадцатилетним мальчишкой, не привёл от партизан Орлика, на котором было новое отличное седло.

Обратный путь показался Юте короче. Подъехав к небольшой деревеньке, от которой оставалось всего километра три до дома, Юта остановилась. С утра деревенька казалась совсем пустынной, а сейчас по ней сновали немецкие солдаты. Под громадными клёнами, в зелени которых утопала деревенька, стояли седые от пыли автомашины, мотоциклы.

Встречаться с немцами не хотелось, но другого пути не было, и Юта направила своего коня в деревеньку. Ехала она быстро; беззаботно скользила взглядом по сторонам, делая вид, будто её ничто не интересует.

У небольшого крашеного дома её остановили. Низенький, головастый офицер в очках, встав посреди дороги, приказал ей слезть с коня и следовать за ним.

Юта недоуменно пожала плечами и повернула Орлика

к дому. На крыльце и около него толпились солдаты.

И вдруг Юта увидела среди них девушку. Ей было лет шестнадцать-семнадцать. Её пышные светлые волосы сзади были схвачены голубой лентой; платок сбился набок и открывал маленькое ухо со следами запёкшейся крови; забинтованная выше локтя рука девушки была на перевязи. Она сидела на ступеньке крыльца и безучастно смотрела куда-то в сторону.

Когда Юта подъехала к крыльцу, кто-то громко сказал:

— О, партизан...

Солдаты захохотали.

— Слезай с лошади! — повторил приказание головастый офицер.

— Ну и слезу, — недовольно сказала Юта и спрыгнула на землю.

Головастый удивлённо посмотрел на неё поверх очков.

— Ну чего? — грубо обратилась Юта к офицеру, держа Орлика в поводу.

— Привяжи лошадь!

— Ну и привяжу.

Юта подвела коня к крыльцу, заставив посторониться солдат.

Привязывая Орлика к перилам, она перехватила взгляд девушки и подмигнула ей. Полные губы девушки тронула едва заметная улыбка.

— Где ты выучилась ездить верхом? — спросил офицер, когда Юта повернулась к нему.

— На заводе, а то где ещё...

— На каком заводе?

Юта громко засмеялась.

— Вот ещё... не знает, на каком, — обернувшись к солдатам, она показала пальцем на офицера. — На обыкновенном. На том, на котором я работаю.

— Ты работаешь? Кем же ты работаешь?

— Работаю, и всё тут...

Офицер недоверчиво покачал головой:

— Ну, а лошадь чья?

— Известно чья. Наша. С завода. Орликом зовут.

— Зачем же ты здесь ездешь?

— А где же мне ездить? Я всегда здесь езжу. Дорога хорошая. А то ещё в городок. Туда тоже дорога хорошая. Лошадь ноги не испортит.

— Ты, девочка, совсем меня запутала.

Юта снова громко рассмеялась и снова показала пальцем на офицера.

— Сам запутался, а я виновата, — обидчиво заговорила она. — А ещё взрослый дядечка. Спрашивает, зачем я здесь езжу. Надо, вот и езжу. Ты думаешь, кони должны быть всё время в конюшне? Они тогда и породистыми никогда не будут. Их надо на прогулку водить. Ясно?.. Сам запутался, а я совсем и не запутывала... Спроси майора Зимлера, он тебе всё объяснит, что и как. Он и меня знает... Вот... На моём пропуске его подпись стоит. На, посмотри! — Она полезла в карман. — А то, видите, я его запутала...

Юта достала пропуск и, развернув его, показала офицеру.

— Ах, это конный завод! —

наконец догадался офицер. — И-ты, значит, коня на прогулку вывела?

— Ну да! — пряча в карман пропуск, ответила Юта. — Я ж об этом тебе целый час говорю. А мне некогда, меня могут заругать. Орлика пора кормить. Он так и похудеть может.

— Хорошо, девочка. Можешь ехать домой и кормить своего Орлика. Только уезжать далеко от дома я бы тебе не советовал.

— Вот так далеко! Тут всего-то три километра.

— И всё-таки я бы не советовал.

— Ладно... — Юта махнула рукой и вдруг, указав на девушку, простодушно спросила: — А кто её так, бедную?

Офицер наморщил лоб, недовольно сказал:

— Иди! Не разговаривай! Не твоего ума это дело. — И круто отвернулся.

Юта промолчала, подумав, что, пожалуй, неосторожно быть слишком навязчивой. Через мгновение она была уже на коне.

Орлик вынесся на дорогу и начал было прибавлять ходу, но Юта придержала его. Ей очень захотелось ещё раз взглянуть на девушку.

Старый клён скрыл от Юты немцев, но девушку было хорошо видно: она сидела в той же позе и, как показалось Юте, смотрела на неё. Может быть, только показалось, но Юте хотелось, чтобы это было так. Она привстала, опершись на стремяна, и подняла руку над головой, но девушка остава-

лась неподвижной. Тогда Юта выхватила из кармана красный галстук и замахала им в воздухе.

Девушка вдруг встрепелась. Пугливо оглядевшись по сторонам, она резко встала и подалась вперёд, будто хотела что-то сказать Юте.

ОПАСНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

ЕЩЕ раз Юта увидела цыганёнка в начале июля.

Накануне она пришла на «почту» и обнаружила там коротенькую записку, адресован-

ную ей. Её просили от двух до трёх прийти к сосне.

День был жаркий. После обеда Юта, сказав Жене о записке, с разрешения Николая Александровича пошла купаться.

Купаться она не стала, а, поднявшись на пригорок, села на траву, под сосной и прислушалась к птичьим голосам.

Как и в первый раз, Мишка появился неожиданно. Вышел из-за сосны и одёрнул на себе зелёную гимнастёрку, придававшую ему бравый вид.

— Здравствуй... Мне надо быстро обратно... Там мой конь стоит, — проговорил Мишка. — Скажи Павлу Петровичу: сегодня вечером надо отнести тол в городок и передать тому человеку, которому передавали сводки. Это очень важно. Так сказал дядя Вася... Пойдём! Покажу.

Юта хотела было сказать, что Павел Петрович вот уже два дня как болен, а потом раздумала: зачем расстраивать тех, кто послал сюда Мишку? Тол должен быть сегодня вечером доставлен в городок, и они с Женей придумают, как это сделать.

Мишка подвёл Юту к густому молоденькому ельничку и показал спрятанную в нём парусиновую сумку, рядом с которой лежал большой букет сирени.

— Это лесная. Она долго цветёт, — краснея, объяснил Мишка. — Это тебе...

— 3-зачем? Мне не надо!.. — заикаясь, произнесла Юта.

— Как хочешь, — сказал Мишка. — До свиданья! — И отвернулся. Сделав несколько нерешительных шагов, он опять повернулся к Юте и тихо добавил: — Там много счастливых... Пять лепестков... Таких не найдёшь...

Юта рассеянно смотрела на цветы и не знала, что говорить.

— До свидания, Юта...

Она подняла встревоженные глаза туда, где стоял Мишка, и огорчилась: он ушёл.

Юта вздохнула, взяла букет и, на всякий случай взглянув

ещё раз в сторону кустарника, в котором скрылся Мишка, побежала домой. И хоть бежала она быстро, но заметила: в букете действительно было много цветочков с пятью лепестками.

Поставив букет в горшок с водой, Юта отправилась на завод.

Женю она увидела, когда та выходила из конюшни. В волосах у неё застряли сухие желтоватые травинки.

— Ну что? — тихо спросила она Юту и сразу же вернулась в конюшню.

Юта вошла следом, огляделась. Поблизости никого не было.

— Такое задание, ужас! Сегодня вечером надо снести тол в городок...

Через полчаса, закончив работу, Женя и Юта ушли домой.

По дороге Юта рассказала Жене о встрече с Мишкой, умолчав, разумеется, о букете.

Дома, увидев на столе цветы, Женя воскликнула:

— Какой замечательный букет!

— Очень замечательный!

— Откуда он? — спросила Женя.

Юта вспыхнула, заикаясь сказала:

— Я... принесла.

— Ты просто прелесть, Ютик!

Женя решительно отошла от букета, села к окну и, став вдруг серьёзной, сказала:

— Ты покажешь мне, где спрятан тол, и вернёшься домой. Спросят обо мне, ска-

жешь, что скоро приду. Я быстро вернусь. Поняла?

— Не поняла... И это нечестно, — Юта обиженно отвернулась от Жени.

Женя улыбнулась:

— Всё ясно. Но, милый Ютик, тебе нельзя.

— Почему? — Юта резко повернулась и впиалась настороженными глазами в Женю.

— Потому что это очень опасно. Я уже не говорю о том, что мне попадёт. Мы и так подвергаем тебя опасности.

Юта коротко хихикнула и, чуть помолчав, разразилась громким смехом.

— Они меня подвергают опасности... Слова-то какие придумала! «Подвергают»...

— Ничего я не придумала. Это сказал Павел Петрович... Если он узнает...

Юта обиделась:

— Ну и не пойду...

Она взволнованно зашагала по комнате.

— Не обижайся, Ютик. Прощу тебя, — дружески сказала Женя. — Ты же хорошая...

— Я и не обижаюсь, — нахмурилась Юта. — Просто я здесь не нужна.

Она вздохнула.

— Ты говоришь ерунду, — возразила Женя. — Я одна прекрасно донесу. Зачем идти вдвоём? Скажи: зачем?

— Листовки носили вдвоём, а тол ты одна хочешь... Ты думаешь, я боюсь? Нисколько! Они же все меня знают. Проверять не станут... — Юта помолчала, и вдруг в её глазах зажглись огоньки: — А тебя станут. Да, да, станут... — Она

заговорила горячо, быстро: — И отберут тол. И ты не исполнишь задания. А им так нужен тол! Сам дядя Вася просил... Вот тогда-то тебе попадёт от Павла Петровича. И я скажу, что виновата во всём ты.

Женя задумалась.

— Может, ты и права, — наконец сказала она.

— Ей-богу, права! — оживилась Юта и тут же спросила: — Возьмёшь, а?

— Пусть будет по-твоему, — согласилась Женя.

Юта ушла на полчаса раньше, договорившись с Женей о том, что она возьмёт сумку с толом, незаметно пробежится по лесистому берегу и выйдет к гумну.

Идти по лесу было страшно. Треснет ветка под ногами, зацепит сучок за лямку сумки, пробежит ветерок по листве осины, уколёт игластая еловая лапка щёку, а Юте всё кажется, что за деревьями спрятались злодеи, которые хотят её погубить, что они перебегают, крадучись, от дерева к дереву и не нападают потому, что хотят подольше помучить или заманить подальше в лес. Злодеев нечего бояться, когда совсем светло и когда кругом всё знакомо. Поэтому она шла так, чтобы чуточку видна была речка, а за ней — узенький овражек и памятное стоговище.

Но вот Юта внезапно остановилась и даже подалась немного назад: из-за овражка вынырнула заводская караульная вышка. На ней всегда был караульный с биноклем. Около неё стоял тихий до поры до

времени пулемёт, а рядом ещё был пулемёт... Всего их было пять, и три из них смотрели на лес... Стоило караульному подняться тревогу, как в сторону Юты полетели бы тысячи смертей...

Юте показалось, будто стёкла бинокля уже скользнули по ней двумя острыми лучами. Страх перед лесными злодеями прошёл. Цепляясь за корни, за папоротники, за сучья, она, не оглядываясь, побежала в лесную глушь.

Спустя час она добралась до гумна, где её уже давно поджидала Женя.

— Что случилось? Почему так долго? — спросила она тревожным голосом.

Юта, увидев Женю, повеселела:

— Да ничего. Просто очень далеко... Сними-ка этот мешок.

— А я уж тут всякую всячину придумывала, — снимая сумку с Ютиных плеч, сказала Женя. — Устала наверно?

— Ничуть.

— Скажи кому-нибудь другому, — не поверила Женя. — Ишь какая тяжеленная! Иди-ка ты, Ютик, домой. Наши волноваться будут...

— А ты записку оставила?

— Оставила-то оставила, но беспокоиться они будут.

— Ничего. Мы быстренько...

Женя молча покачала головой: теперь Юту не уговоришь!

Переложив толовые шашки в корзинку, в которой они обычно носили листовки, и прикрыв их кусками хлеба, лепёшками, яйцами, варёными картофелинами, Женя посмотрела на Юту и сказала:

— Ну, пошли...

Когда, миновав ложбину, они повернули в лес, солнце зашло, и наступил вечер.

— Жень, а Жень! — раздался тихий голос Юты.

— Что?

— А правда, что цветочки сирени, у которых пять лепестков, счастливые?

— Глупости. Почему они счастливые?

— Если такой цветочек съест, то всё будет хорошо.

— Вот так хорошо!.. В нашей школе одна девочка перед экзаменами по математике двадцать штук съела...

— Ну и что?

— Ну и ничего.

— А экзамен?

— Экзамен провалила. Она ж ничего не знала.

Юта замолчала. Конечно, глупо есть цветы перед экзаменами, когда ничего не знаешь. Не только пять лепестков, а и все десять не помогут...

На небе вспыхнула звёздочка! Сиреневая звёздочка! Как цветок!.. Ютина звёздочка!.. Интересно, сколько у неё лепестков? Может быть, пять? Раз, два, три... Нет, не сосчитать...

(Продолжение следует.)

Знаешь ли ты...

...что только за период с 1956 по 1960 год в нашей стране введено в действие 4870 крупных промышленных предприятий? Это в три раза больше того, что было построено в годы первой пятилетки.

...что за первую тысячу дней семилетки вступило в строй около 40 новых телецентров? Телевизионные передачи могут смотреть сейчас почти 100 миллионов человек. Телевидение проникло даже в такие отдалённые уголки, как Норильск, Ухта, Южно-Сахалинск, Петропавловск-на-Камчатке.

...что советские учёные создали новое вещество — боразан, никогда ранее не существовавшее в природе? По своим свойствам оно не уступает алмазу.

...что таким энергетическим гигантом как ДнепротЭС управляют всего 6 че-

ловек? Всю сложнейшую работу на станции выполняют автоматы,

...что в городе Новочеркасске создан самый мощный в стране электровоз? Его мощность — 8400 лошадиных сил, а скорость — 110 километров в час.

...что на Воронежском заводе сельскохозяйственного машиностроения начат выпуск удивительных машин «ОСМ-4,5» для очистки и сортировки семян? Новая машина сама, без участия человека, сортирует за сутки 8—10 тысяч пудов зерна.

...что на Харьковском турбинном заводе закончен монтаж уникального карусельного станка-великана? Высота его равна шестиэтажному дому. На этом гиганте можно обрабатывать детали диаметром более 20 метров.

...что в Ленинграде на Металлическом заводе создана крупнейшая в Европе одновальная паровая турбина мощностью в 300 тысяч киловатт? Энергии она одна может дать столько же, сколько дали бы пять Волховских ГЭС.

...что в числе станков, выпускаемых заводом имени Свердлова, есть и универсальный расточный станок с программным управлением, который обеспечивает точность обработки до 0,001 миллиметра? А ведь рассчитан станок для обработки крупных деталей.

...что на Государственном оптико-механическом заводе изготовлен крупнейший в Советском Союзе телескоп? Диаметр зеркала нового телескопа равен 2,6 метра.

...что за последние два года в нашем городе озеленились, ни много ни мало, а 300 гектаров?! За это время появилось более 60 садов, скверов, парков. На

улицах, бульварах, площадях Ленинграда высажено 450 тысяч деревьев, свыше 2,5 миллиона кустарников, около 800 тысяч многолетних цветов.

...что в нашей стране построен первый в мире пассажирский морской теплоход на подводных крыльях? Его назвали «Мир». Он способен перевозить до 92 пассажиров. Скорость нового корабля — 75 километров в час. Судно может совершать свои рейсы по морю при волнении до 4 баллов.

ДЕТИ ГЕРОЕВ

(К фотоочерку на 3-й странице обложки)

В Ленинграде гостила необычная делегация. Шесть человек в оливковых комбинезонах и беретах, в коротких пальто, похожих на морские бушлаты. Сразу видно — кубинцы. Самому старшему, главе делегации Педро Эрнандесу, — только 15 лет.

Делегация кубинских детей отправилась в долгое путешествие: они решили побывать в СССР, Чехословакии, в Китае — во всех социалистических странах, посмотреть, как живут в этих странах их ровесники, и, вернувшись на родину, рассказать обо всём товарищам.

Раньше на Кубе не было никаких детских организаций. Маленькие богачи росли каждый сам по себе, а бедняки с раннего детства начинали работать. О школе они не сме-ли и мечтать, жили неграмотными и полуголодными, как отцы и деды.

Но вот началась революция. Старшие братья ушли в горы, к Фиделю Кастро. Им надо было помогать, и малыши старались, как могли: носили повстанцам обеды, ходили в разведку, мыли лошадей. Старшие братья казались неузнаваемыми: повзрослевшие, с большими бородами — они поклялись не бриться, пока не победит революция. Многим из них не суждено было дожить до победы.

Младшие оказались счастли-

вее: для них революционное правительство открыло школы, они стали полноправными гражданами республики. Жить они начали по закону, общему для всех кубинцев: сделай для родины всё, что можешь, — она будет тебе благодарна.

В апреле этого года юные кубинцы основали свою пионерскую организацию. Только что народ разгромил интервентов. Страна ликовала. И вот на майском параде вслед за колоннами народной милиции прошли отряды первых кубинских пионеров. Это был их подарок стране.

Куба любит своих детей. Она стремится растить их здоровыми, образованными и трудолюбивыми. Но есть в республике дети, перед которыми, как сказал Фидель Кастро, революция чувствует себя в долгу. Это братья героев, ребята, принимавшие участие в революции. Для них правительство открыло первый в стране детский кооператив. Его представители — администратор Педро, бухгалтер Роландо, два тракториста Луис и Форхе — вошли в состав делегации. Вместе с ними поехал и сын вождя кубинского народа Фидель Кастро Диас — один из первых кубинских пионеров.

В Ленинграде кубинцы провели два дня.

В 157-й школе ровесники долго расспрашивали кубинских ребят об их жизни.

И вдруг на стенде, где собраны фотографии, посвящённые Кубе, Педро узнал себя — вот он, стоит рядом с Фиделем Кастро! Это было в те дни, когда готовилось открытие кооператива.

В Нахимовском училище им подарили бескозырки. Настоящими боевыми юнгами пришли они на «Аврору» — революционный корабль, о котором они уже столько слышали раньше. Сколько было вопросов! Где стоял корабль в дни революции? Что стало потом с его экипажем? Стреляли ли пушки «Авроры» в Отечественную войну по фашистам? И объяснял им всё это не кто-нибудь, а старый авроровец Вашук.

«Аврора» готовилась к встрече президента Кубы Освальдо Дортикоса — он тоже в эти дни был в Ленинграде. Рядом с советским флагом был поднят флаг Кубинской Республики. Представляете, какое счастье — Фиделю, сыну кубинского во-

ждя, поручили поднять флаг родины на легендарном крейсере революции!

Выстроились для приветствия матросы. Кубинские ребята стояли рядом, тоже в строю — подтянутые, взволнованные. Президент поднялся по трапу, поздоровался с моряками и увидел своих маленьких земляков. Радостной была встреча...

Все члены делегации, кроме Фиделя, только недавно пошли в школы. Но сколько они успели уже узнать и как стремятся к знанию! В Эрмитаже это особенно бросилось в глаза. Долго стоял Педро перед картинами — его, сына бедняка, больше всего в мире волнует искусство. На родине их будут расспрашивать об Эрмитаже все товарищи, и юные кубинцы засыпали сотрудников вопросами.

Во Дворце пионеров снова встречали ровесники. Но надо было уже спешить — через два часа уезжать...

Тебе, Съезд

(К фотомонтажу на 2-й странице обложки)

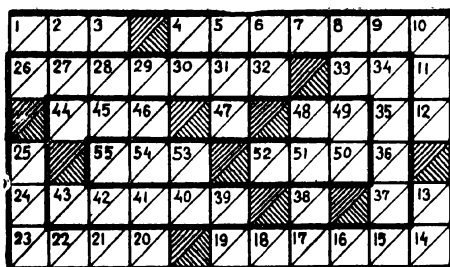
С самим солнцем могут поспорить огни, зажжённые над красавицей рекой. Это Волжская ГЭС имени XXII съезда Коммунистической партии. На целый год раньше срока строители и монтажники ввели её в строй, заставили энергию могучей Волги вращать станки, пилить лес, выплавлять металл, светить людям (верхний снимок).

На Ленинградском Металлическом заводе испытывают гигантскую машину — нагнетательную турбину для газопровода Газли—Свердловск. Пионер Саша Ерохов привинчивает к машине памятную дощечку с надписью, которая рассказывает, что металл на эту турбину собрали пионеры Калининского района в подарок XXII съезду КПСС (снимки в середине).

Нигде в мире нет такой длинной электрифицированной железной дороги, как наша Транссибирская магистраль. Теперь уже не паровые локомотивы, а могучие электропоезда мчат пассажирские экспрессы и товарные поезда от Москвы до Байкала. Строители сдали магистраль досрочно, в подарок XXII съезду КПСС (фото внизу слева).

Накануне открытия XXII съезда КПСС на фасадах шести школ Ленинграда и Ленинградской области зажглись красные звёзды в знак присвоения пионерским дружинам звания «Спутник семилетки».

Вот 105-я школа, водрузившая красную звезду. Здесь большое торжество, праздничное ликование (фото внизу справа).

Пользуясь краткими определениями, отгадайте 14 слов и расставьте их буквы в клетках фигуры в порядке номеров. Если всё это будет сделано правильно, то по спирали, от края к центру, вы сможете прочесть слова из произведения С. Маршака «Сказка-быль».

Рассказ Н. В. Гоголя — 6, 11, 43. Пчелиная семья — 22, 40, 12. Столица союзной республики — 10, 47, 7, 17. Движение воздуха, воздушный поток — 34, 54, 8, 35, 39. Инструмент, с помощью которого проверяют вер-

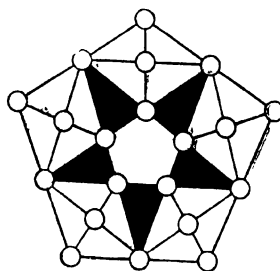
тикальные направления — 5, 27, 38, 31, 4. Артист советского цирка — 19, 45, 30. Предмет упряжи — 33, 42, 3, 15, 26. Предмет убранства жилого помещения — 28, 16, 53, 14, 36. Сорт конфет — 21, 46, 37, 9. Документ, выдаваемый кассой покупателю, — 13, 18, 55. Забор, частокол — 32, 51, 48. Черпак — 24, 23, 41, 20. Наименование округа в Древнем Египте — 39, 49, 44. Часть ткацкого станка — вал, на который навивают основу, — 1, 2, 50, 25, 52.

ЗАДАЧА

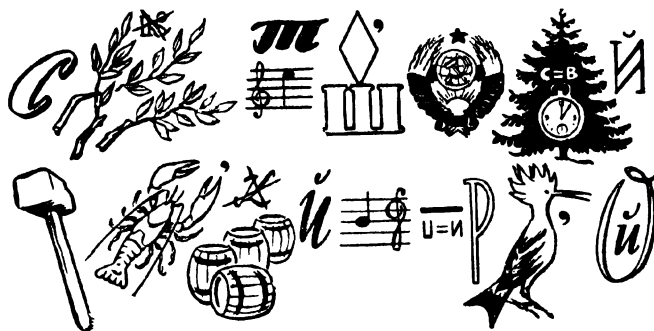
(Составил А. А. Цветков)

Рассмотрите внимательно рисунок. Найдите на нём пять ромбов («конвертов») и пять треугольников, образующих лучи пятиконечной звезды. В углах этих фигур, а также в местах пересечений диагоналей ромбов — кружки. Их двадцать.

Требуется расставить порядковые числа от 1 до 20 так, чтобы сумма чисел в каждом «конверте» (пять чисел) равнялась 57, а в каждом треугольнике (три числа) — 47.

РЕБУС

ЛОГОГРИФ

Найдите слово, состоящее из пяти букв и отличающееся от слова «марка» одной только буквой, и напишите его ниже. Теперь найдите другое слово, отличающееся одной буквой от уже найденного вами слова, и опять напишите его снизу... Так, переходя от одного слова к другому, «доберитесь» до слова «честь»...

М	А	Р	К	А
Ч	Е	С	Т	Ь

Все ваши слова должны быть именами существительными (не собственными) в единственном числе.

Справитесь вы с этой интересной задачей?

ГОЛОВЛОМКА

Мель, поло, кайма, досада, паркет, курица, бриг, лото, брат, чулан, пилот, груздь, парник, буер, спайка, огород, сварка, свечка, буря, лифт, сани, муха, рейд, паук, башня, игрек, галоп, бордо, белок, курок, тракт, опора, слава, фланг, сырок, карета, спаржа, голубь, кубрик, выпуск, вода, усы.

Все эти слова могут быть превращены в новые слова исключением одной из букв. Например: мель — ель, поло — пол...

Попробуйте проделать это со всеми словами, только выписывайте по порядку все исключаемые буквы — у вас получатся слова великого русского поэта о любви к родной земле.

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Подпишите одно под другим (столбиком) семь слов: 1. Мера веса. 2. Естественный водоём. 3. Передовик в соревновании, ведущий. 4. Синяя краска. 5. Корабельная кухня. 6. Металл. 7. Рабочий-большевик, именем которого названа бывшая Шпалерная улица в нашем городе.

Если все слова будут найдены правильно, то из первых и из последних их букв, читая сверху вниз, составятся фамилии пионеров-героев.

АНАГРАММЫ

(Составила Зина Седова, 140-я школа)

Вот два слова — «торт» и «рак». Из всех семи букв этих слов можно составить новое слово... Как вы думаете, какое?

Попробуйте подобным же образом найти ещё три слова: 1. Тент + суд. 2. Туф + лоб. 3. Он + арфа.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 9)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД

По вертикали. 1. Гончаров. 2. Со-
нет. 3. Бажов. 4. Карамзин.
7. Мольер. 9. Ломоносов. 10. Гри-
боедов. 12. Селифан. 13. «Полтава».
18. Стендаль. 19. Ванина. 20. Сте-
панов. 24. Терек. 25. Дидро.

По горизонтали. 5. Кольцов.
6. Бальзак. 8. Лермонтов. 11.
«Арион». 14. «Гроза». 15. Мелехов.
16. Аноним. 17. Стасов. 21. Панаева.
22. «Демон». 23. Гомер. 26. Белин-
ский. 27. Плещеев. 28. Арбузов.

ПУТАНИЦА

Одна у человека родная мать,
одна у него и Родина.

РЕБУС

Всех я вовремя бужу, хоть часов
не завожу (петух).

ШЕСТЬ ПОСЛОВИЦ

За день не получишь трудовень.

ЗАДАЧИ СЛОГОВ

1. Ванта, ванна, набор, табор.
2. Вечер, вече, черта, чета.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Мечта. Стихи	1
Декабрьской ночью. Рассказ Н. Ходзы	5
Великий пример. Стихотворение В. Верховского и Г. Гоппе	13
Десять дней из тысячи	14
Коммунист. Главы из повести И. Антонова, В. Невского, Б. Моисеева	15
Сказали: «Город будет!»	29
Фрунзенские коммунары. Очерк А. Мойжес	30
Даём пионерское слово. Песня. Музыка В. Виглина, слова Д. Дружина	36
Вот тебе и бабушка... Очерк Л. Бугровой	38
Партии. Стихотворение В. Крутецкого	43
Мировые рекорды советской техники	44
Ровесник сказочного города. Очерк В. Бузинова	45
Юта. Повесть Н. Морозова	50
Знаешь ли ты...	59
Дети героев. Текст к фотоочерку на 3-й странице обложки	60
Тебе, Съезд. Текст к фотомонтажу на 2-й странице обложки	61
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки: «Под знаменем красным». Рисунок художника Ю. Шабанова.

На второй странице обложки: «Тебе, Съезд». Фотомонтаж Г. Сафонова.

На третьей странице обложки: «Дети героев». Фотоочерк Г. Сафонова.

На четвертой странице обложки: «Этих дней не смолкнет слава». Рисунки художника П. Вискова.

И. о. редактора А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Смольный, 5-й подъезд. Тел. Ж 9-15-37

Сдано в набор 2/X 1961 г. Подписано к печати 4/XI 1961 г. 4 печ. листа
М-31776 Тираж 75 000. Зак. 1576. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп.
Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

ДЕТИ ГЕРОЕВ

(Смотри 60-ю страницу)

Цена 10 коп

